

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

1998 год

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
НА ЛУБЯНКЕ
1998 год**

**РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
КОНЕЦ XIX ВЕКА — 1922 ГОД**

Редколлегия:

генерал-майор, профессор РАЕН А. А. Зданович,
доктор исторических наук, профессор М. Н. Петров,
доктор исторических наук, профессор В. Н. Хаустов

В. М. МЕРЗЛЯКОВ,

Центр общественных связей ФСБ РФ

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ РОССИИ**

Размышляя в эмиграции о причинах неудач русского оружия в Первой мировой войне, Генерального штаба генерал-майор Н. С. Батюшин писал: "Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов совсем не интересовался и она потому велась бессистемно, чтобы не сказать, спустя рукава". По мнению генерала, стоявшего у истоков отечественных секретных служб, принятое в июне 1915 года "Наставление по контрразведке в военное время" не улучшило положение кардинально. Основным недостатком было "отсутствие органа для руководства всей контрразведкой вообще и на театре военных действий в частности". "Ставка этим делом совсем не занималась, Главное же управление Генштаба являлось лишь регистрационным и отчетным учреждением, а не руководящей инстанцией". Аналогичная картина складывалась и по линии военной разведки. "В результате этого небрежения мы всю Великую Войну вели вслепую", — говорил он слушателям Высших курсов профессора Головина. Главная причина такого прискорбного состояния дел, по мнению Батюшина, заключалась в общей "недооценке на верхах" значения разведки и контрразведки, всей сферы тайного противоборства. "Таким образом, — делал он вывод, — блестящий опыт тайной разведки мирного времени был сведен почти на нет во время войны... За все это небрежение... мы заплатили потом сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства"¹.

Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские

И90 спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год.
— Москва; Великий Новгород, 1999. — 123 с.

ISBN 5-89896-105-4

Второй выпуск Исторических чтений на Лубянке "Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год", состоявшихся 10–11 декабря 1998 года в Центре общественных связей Федеральной службы безопасности РФ.

ББК 67.3

ISBN 5-89896-105-4

© Федеральная служба
безопасности РФ, 1999

© Новгородский государственный
университет, 1999

Насколько объективна столь нелестная оценка деятельности высшего командования русской армии по руководству армейскими спецслужбами? В чем заключались изъяны самой системы построения контрразведывательных органов царской России, рельефно проявившиеся в военные годы? Перед тем как попытаться ответить на эти вопросы, следует обратиться к краеугольной проблеме определения властных структур (либо это Военное министерство, либо ведомство, отвечавшее за внутреннюю безопасность империи), в которые должны были входить органы по борьбе с военным шпионажем. В этой узловой точке во многом начинались многие истоки злослучий отечественной контрразведки периода Первой мировой войны.

Летом 1910 года вторая межведомственная комиссия по контрразведке под председательством товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов П. Г. Курлова приняла решение о необходимости создания КРО именно при штабах военных округов, а не в структуре розыскных органов МВД империи, как это предусматривалось весной 1909 года первой межведомственной комиссией, возглавляемой директором Департамента полиции М. И. Трусевичем. Почему же за полтора года руководство русской тайной полиции диаметрально изменило свои взгляды на принципиальный момент организационного построения контрразведки? Прежде всего, напомним основные выводы, к которым пришла комиссия Трусевича. В ее составе наряду с офицерами и чиновниками тайной полиции были компетентные представители военной и военно-морской разведок, в том числе и полковник Генштаба (впоследствии генерал-майор) Н. А. Монкевич.

Специальные самостоятельные “военно-розыскные отделения” по борьбе с военным шпионажем, как наиболее опасным видом разведывательно-подрывной деятельности потенциального противника, предлагалось создать в структуре розыскных органов Департамента полиции на правах охранных отделений. Руководители их должны были замыкаться на начальников соответствующих районных (региональных) охранных отделений. Через них должно было организовываться взаимодействие с руководством окружных штабов. Причем помощниками начальников этих подразделений могли назначаться и строевые армейские обер-офицеры, а в случае подготовки их к розыскному делу при Департаменте полиции последние могли становиться и начальниками КРО.

Важная деталь — создаваемые отделения должны были финансироваться за счет средств военного ведомства. Сотрудники КРО получали право вести контрразведывательный поиск в среде военных секретносителей и в органах военного управления. Агентурно-оперативная работа ориентировалась на создание позиций в зарубежных центрах шпионажа, разработке военных атташатов, дипкорпуса, иностранных колоний, подозрительных связей иностранцев среди российских граждан. Система планировалась строго иерархичной. Местные органы замыкались через районные охранные отделения на “центральный аппарат” — Департамент полиции. Между ним и ГУГШ, МГШ, между штабами округов и отделениями, как отмечалось в итоговом протоколе комиссии Трусевича, устанавливался полный обмен сведений и взаимное содействие². Подчеркнем, что о каком-либо руководстве контрразведывательным процессом со стороны военных, тем более вмешательстве в “технология” розыска речи не шло.

Данная схема организации строго “вписывалась” в теоретическую формулу П. А. Столыпина, сформулированную им осенью 1908 года в письме начальнику Генерального штаба генералу Ф. Ф. Палицыну: “Контрразведка, в сущности, является лишь одной из отраслей политического розыска” [3]. Именно Столыпин инициировал специальное рассмотрение вопроса о борьбе со шпионажем на межведомственном уровне. Сторонником такого подхода был и директор Департамента полиции Трусевич. Однако идеи и выводы комиссии 1909 года так и остались на бумаге. Какие же причины привели сначала к их бюрократическому “замораживанию”, а затем и вовсе к ревизии выработанных коллегиально положений? На наш взгляд, без постижения субъективного фактора — своеобразного “личностно-деятельностного фона”, без выявления межведомственных интересов и противоречий, расстановки сил в пирамиде власти, трудно найти дорогу в том “зазеркалье”, где формировались пружины управленческих решений.

Итак, в июне 1910 года Курлов на заседании второй межведомственной комиссии отказался от идеи создания контрразведывательных органов в своем ведомстве и предложил иную схему: КРО создаются военными, МВД командует жандармских офицеров-розыскников для руководства практической работой. При этом охранные отделения и губернские жандарм-

кие управления фактически сворачивают свою деятельность по выявлению шпионажа, а получаемые сигналы передают для проверки "по принадлежности" в КРО, оказывая последним "лишь содействие и помощь"⁴. Какие же факторы могли привести к такому крутому повороту? Во-первых, назначение на пост начальника Генштаба, а затем и военного министра В. А. Сухомлинова, тонкого и ловкого царедворца, вошедшего в близкий круг императора. От его позиции зависело многое, в том числе и выделение МВД необходимых денежных средств на оперативные расходы по розыску иностранной агентуры в военных кругах⁵. Во-вторых, обозначившееся падение влияния при дворе Столыпина, его сложные отношения с военным министром. В-третьих, уход с поста руководителя Департамента полиции Трусевича, активного сторонника контрразведки в розыскных органах МВД.

Новый же руководитель полиции Курлов не ставил в ряд первоочередных вопросов создания КРО. В то время его энергия расходовалась на иное — обеспечение безопасности царя во время его многочисленных поездок по стране и международных визитов и наведение порядка в собственном ведомстве. Так, при нем в органах тайной полиции развернулась активная работа по демонтажу так называемой "розыскной системы" Трусевича, в основе которой лежал приоритет внутренней агентуры с ее проникновением в террористические формирования и созданием оперативных позиций в руководящих центрах антиправительственных партий и движений⁶.

Такой курс явился реакцией на серию громких публичных скандалов, связанных с оперативно-розыскной деятельностью тайной полиции. Среди них "дело Азефа" являлось одним из самых болезненных для Фонтанки, 16 и, несомненно, не могло не отразиться на престиже секретной службы в глазах военных. Они с дополнительной энергией могли выступать против ведения охранными отделениями агентурной работы в войсках. Межведомственные проблемы, как представляется, наиболее весомым образом повлияли на мотивацию решения Курлова. В его воспоминаниях мы находим важное свидетельство: "Государь воспретил секретную агентуру в войсках, считая совершенно достаточным наблюдение со стороны надлежащего военного начальства... тогда как в действительности такое наблюдение вовсе не достигало цели"⁷. Специалисты Департамента

полиции хорошо понимали, что не имея полномочий на ведение контрразведывательного поиска в военной среде, в том числе и среди офицеров-секретноносителей, трудно рассчитывать на серьезные результаты в борьбе с военным шпионажем.

В этой ситуации, конечно, многое зависело от военного министра Сухомлинова. Именно он должен был получить необходимые ассигнования из казны на создание новых подразделений. Главный же военный секретноноситель к этому времени успел приобрести влиятельных недоброжелателей, активно интересовавшихся его запутанными связями с иностранцами еще в бытность киевским генерал-губернатором, темными коммерческими делами его молодой супруги и т. п. Среди его критиков был и энергичный председатель Государственной думы А. И. Гучков⁸. В самом военном ведомстве существовала тайная фронда Сухомлинову. При таких обстоятельствах последнему торопиться создавать на деньги своего министерства секретную структуру МВД и, таким образом, давать "охранникам" возможность практически бесконтрольно действовать в военном ведомстве, было бы весьма недальновидно⁹.

В особом делопроизводстве ГУГШ к тому же хорошо помнили конфликтную ситуацию с Департаментом полиции в период русско-японской войны, когда созданное в его структуре секретное контрразведывательное подразделение под руководством ротмистра Отдельного корпуса жандармов М. С. Комиссарова буквально "отгерло" от наблюдения за иностранными посольствами разведочное отделение ГУГШ, беззастенчиво переподчиняя его агентов, работавших по иностранным военным представителям. Только с расформированием секретного отделения летом 1906 года вновь вышло из вынужденного "застоя" разведочное отделение В. Н. Лаврова¹⁰.

Таким образом, сам Курлов идею создания военно-розыскных органов при Департаменте полиции перед царем не лоббировал, Столыпин в прерогативы Николая II не вторгался, а Сухомлинов, видимо, и не настаивал на ускоренной реализации решений комиссии Трусевича. Все ограничивалось бюрократической перепиской. На запросы военных о необходимости усиления борьбы со шпионажем в конкретном регионе из Департамента следовал трафаретный ответ — соответствующие указания на места уже отданы. Но без дополнительных ресурсов и полномочий все оставалось по-прежнему.

Только обострение обстановки на западной границе заставило Курлова форсировать процесс создания КРО¹¹. В июле 1910 года на первом же заседании комиссии, созданной по его инициативе, он решительно разрубил слишком сильно затянувшийся межведомственный узел и предложил создавать подразделения по борьбе со шпионажем в структуре военного ведомства¹². Сухомлинов предложенную Курловым схему организации контрразведки без особых задержек одобрил. Год потребовался военным, чтобы разработать и утвердить положение о КРО и все необходимые инструкции, а весной 1911 года были получены из казны соответствующие ассигнования на их деятельность¹³.

Надо отметить, что откомандированные для руководства КРО в военное ведомство жандармские офицеры — специалисты по розыску, позволили новой армейской спецслужбе быстро встать на ноги. Вслед за небольшим контрразведывательным подразделением ГУГШ, действовавшим с 1903 года и преобразованным в Санкт-Петербургское городское КРО, при окружающих штабах было создано десять отделений (Петербургское окружное, в Москве, Вильне, Варшаве, Одессе, Тифлисе, Ташкенте, Иркутске, Хабаровске.). В Особом делопроизводстве ГУГШ был создан «центральный регистрационный орган», возглавляемый В. М. Якубовым. Начальником созданного на базе разведочного отделения Санкт-Петербургского городского КРО стал офицер Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандаков¹⁴.

Но заложенная мина замедленного действия — неурегулированность вопроса о взаимодействии КРО с розыскными органами МВД, в том числе и в «особый период», отсутствие централизованной системы управления и подготовки кадров контрразведчиков сработала после августа 1914-го. Такой исход был предопределен изначально. От «вождей армии» требовалась гибкость и быстрая реакция на бурно вступающий в свои права век тотального шпионажа. Допущенное запаздывание в переводе контрразведывательных органов на «военные рельсы», общее игнорирование командованием русской армии в первой фазе войны проблем безопасности войск и тыла наглядно показало, что высший генералитет своевременно не сумел освоить новую для себя сферу деятельности. Это, видимо, являлось прямым следствием того обстоятельства, что Главное Управление Ген-

штаба исходило из предположения о маневренном, скоротечном характере предстоящей войны. При таком подходе вопросы разведки и безопасности выглядели второстепенными. Неглубоко относились и к новым, рожденным техническим прогрессом видам разведывательной деятельности.

Наглядно это проявилось уже в первые месяцы войны во время приграничных сражений в Польше и Восточной Пруссии, когда в штабах русской армии не была учтена опасность перехвата и расшифровки радиосообщений станциями германской разведки. Ярким примером беспечности русского генералитета может служить и тот факт, что в самой Ставке Верховного командования вплоть до начала 1916 года не было соответствующего контрразведывательного подразделения.

После горького опыта поражений весны—лета 1915 года, по инициативе великого князя Николая Николаевича, для выработки нового положения о контрразведке была образована очередная комиссия под председательством действительного статского советника Р. Г. Моллова, прокурора Одесской судебной палаты. Поскольку вскоре великий князь был отстранен от командования войсками и убыл на Кавказ, дело не получило своего логического завершения.

Однако к поставленной задаче Моллов не охладел и продолжил изучение проблемы уже с позиций директора Департамента полиции. Сенатор С. П. Белецкий, назначенный товарищем министра внутренних дел, обеспечил комиссии возможность продолжить работу. Опытный полицейский работник, он хорошо понимал необходимость совершенствования системы обеспечения безопасности страны. Комиссия выявила ряд «узких мест» военной контрразведки и среди них проблему организации взаимодействия начальников разведывательного и контрразведывательного отделений военных штабов. Казалось, они должны были изначально работать в тесном контакте друг с другом, тем более что по существующему положению первый являлся старшим начальником второго. Но на практике, как писал в итоговой записке Моллов, эти подразделения были совершенно самостоятельными и не знали, что каждое из них делает, а когда интересы розыска и разведки пересекались, то начиналась бюрократическая переписка и розыск двигался «черепашьим шагом». Ситуация усугублялась и обстоятельством чисто профессионального плана: начальники разведотделений в во-

просах борьбы со шпионажем часто обнаруживали полную некомпетентность, в том числе в понимании самих “приемов, терминов и понятий, которые для опытного розыскного офицера являются самыми обычными”.

По мнению комиссии, принципиальная ошибка, допущенная при создании КРО, заключалась в самом секретном характере существования отделений и они не могли “рассчитывать на весьма необходимые в их делах поддержку и содействие правительственных учреждений, а тем более общества”. “Между тем, — указывал Моллов, — борьбу со шпионажем нужно сделать открытой, популяризовать ее, придать патриотический характер и тогда к ней примкнут силы народные, национальные”.

Следует добавить к этому и малочисленность самих аппаратов КРО, отсутствие реальной исполнительной власти у начальников контрразведывательных отделений. Санкции на оперативные действия последние должны были получать у чинов Генерального штаба, состоящих при соответствующих генерал-квартирмейстерах, или у самих этих генералов в случае необходимости постановки наблюдения за офицерами. Руководителю КРО, как правило младшему офицеру, “добираться” до генерала, загруженного текущей штабной работой, было непросто. Возникали у начальников КРО и проблемы взаимодействия с представителями жандармских управлений, которые должны были проводить необходимые следственные действия по представлениям КРО. К этому добавлялись и чисто психологические моменты. Моллов достаточно откровенно на них указал: “К жандармским чинам военная среда вообще относится недружелюбно... их терпят только по необходимости”.

Общий вывод комиссии звучал довольно пессимистично: “начальники бюро (КРО. — В. М.), обособленные от жандармских и общеполицейских органов сыска, сдавленные нелегальностью и конспиративностью, лишенные всякой исполнительной власти, часто находятся в безвыходном положении и представляют из себя каких-то пасынков службы”¹⁵. Еще одной “болевой точкой” были кадры КРО. Во время войны опытных специалистов-розыскников не хватало, при развертывании новых подразделений приходилось комплектовать их штаты порой наспех, без должной проверки и обучения сотрудников. Решение этой проблемы виделось Моллову в придании статуса государственных служащих гражданским сотрудникам КРО, работникам канцелярий, агентам наружного наблюдения.

Но главная причина несовершенства борьбы со шпионажем заключалась в ином. На это прямо указал бывший начальник КРО ГУГШ полковник Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандаков, занимавший этот пост с 1910 по 1915 год. Полковник отметил, что Германия осуществляет не только сбор военных сведений о действующей армии, но и активно занимается морской, дипломатической, торгово-промышленной (экономической) разведкой, организацией саботажа и диверсий, ведением подрывной пропаганды. По его мнению, организовать успешную борьбу с таким тайным противником самостоятельно военные власти не в состоянии. Этим должны заниматься Департамент полиции и его органы государственной охраны и безопасности. “Должно по справедливости отметить, — нелицеприятно писал Ерандаков, — что учрежденные пять лет тому назад Главным управлением Генерального штаба органы так называемой “контрразведки” — хилые и бесправные, вчат малополезное существование, так как деятельность их направлена исключительно лишь на борьбу с военным шпионством... И если иногда деятельность этих органов и является успешной, то в большинстве случаев благодаря лишь постоянной и энергичной помощи жандармских управлений и охранных отделений, а также перлюстрационным данным, поступающим в ГУГШ”¹⁶. Вместе с тем Ерандаков полагал, что особые органы по контршпионажу следовало бы сохранить во время войны при военных штабах, поручив им контрразведывательное ограждение личного состава армий, а также возложив на них борьбу со шпионажем на занятой русскими войсками неприятельской территории. Не был им обойден и вопрос о создании в структуре КРО специального следственного аппарата.

Именно в объединении усилий военного ведомства и МВД в деле создания единой централизованной системы обеспечения безопасности страны лежал ключ к обеспечению безопасности армии и тыла в затяжной и кровопролитной войне¹⁷. Это хорошо понимали в Департаменте полиции. Его специалисты были готовы “подставить плечо” военным в борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника. Но парадокс заключался в том, что руководство Департамента по существовавшему положению вещей не могло самостоятельно решить этот вопрос. Необходимо было получить разрешение у военных на ведение розыскными органами полиции и жандармерии контрраз-

ведывательной деятельности, а также дополнительные финансовые ресурсы на их оперативные расходы¹⁸. Такое решение проблемы было особенно актуально в тыловых районах, на оборонных объектах стратегического значения, на транспортных узлах, где КРО или вообще не существовали, или их возможности контролировать ситуацию были незначительны.

Однако представители высшего военного командования с подозрительностью встретили встречные шаги МВД по усилению координации и взаимодействия в области борьбы с подрывной деятельностью противника. Так, главному армий Северного фронта генералу Н. В. Рузскому показалось недопустимым вмешательство МВД в прерогативы армии. В этих условиях Белецкий решил лично доложить подготовленный в ноябре 1915 года новый проект Положения о контрразведке¹⁹ военному руководству. Поездка Белецкого в начале 1916 года в Ставку, его встреча с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, как показали дальнейшие события, не дали существенных результатов. Вскоре начавшаяся в МВД министерская чехарда и удаление Белецкого с поста руководителя тайной полиции окончательно "заморозили" вопрос об изменении основ контрразведывательного дела в стране.

Отметим, что после попытки Белецкого решить назревшие проблемы в сфере безопасности аналогичные действия предпринял небезызвестный И. Ф. Манасевич-Мануйлов, в бытность его секретарем при премьере Штюмере. На пост директора Департамента полиции он пытался продвинуть А. С. Резанова, квалифицированного юриста, специалиста по немецкому шпионажу²⁰. В августе 1916 года была подготовлена докладная записка по вопросу учреждения специальной "Канцелярии по политическим вопросам" при председателе Совета министров²¹. Эта идея также осталась на бумаге.

Было бы лучше для дела, если бы русская тайная полиция непосредственно отвечала за организацию противодействия шпионажу в армии, да и вообще иностранному подрывному влиянию в стране? На наш взгляд, ответ на этот вопрос вряд ли был бы положительным. Да, специалисты Департамента полиции более широко, чем подавляющее большинство генералов-военных подходили к проблемам безопасности страны. Но и они были бессильны что-либо изменить. Болезнь системы коре-

нилась глубже: вся правящая элита империи оказалась не способной реально представить себе динамику развития событий и удержать курс государственного корабля от засасывающей воронки революционного взрыва.

Когда власть предрешающие не разрешают накапливающихся в обществе противоречий, тогда неминуемо, — как бы ни были совершенны спецслужбы, какие бы талантливые и дальновидные люди в них не работали, — стальные пружины противоречий безжалостно прорывают подгнившую государственную оболочку. И на смену "срезанной" элите, продемонстрировавшей неспособность выполнять свое предназначение, приходят другие силы. А что же при этом происходит со спецслужбами прежней государственной формы? Как правило, при таком экстремальном варианте развития они гибнут, в огне революций сторают их кадры... Но исчезают ли их теоретические наработки, лучшие страницы летописи оперативного искусства? Существовала ли вообще в истории нашего Отечества преемственность розыскной традиции? Эти вопросы еще ждут своего внимательного рассмотрения.

¹ Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней: Лекции на Зарубежных Высших военно-научных курсах профессора Головина в Белграде (1933–1938 гг.). София, 1939. С. 84–85, 94.

² Никитинский И. Из истории русской контрразведки (сборник документов). М., 1946. С. 63, 65–66. В итоговом протоколе комиссии Трусевича прямо говорилось: "Особенному вниманию контрразведывательного органа подлежат: ... все русские офицеры и нижние чины (особенно из состава высших штабов, адмиралтейств, канцелярий и управлений), живущие выше средств и близко стоящие к военно-секретным сведениям").

³ Джинчирадзе В. З. К вопросу об истории политического розыска в России (сборник документов). М., 1946 г. Ч. 8. Л. 9.

⁴ Никитинский И. Из истории русской контрразведки. С. 79.

⁵ Весьма показательна реакция Курлова на поступивший на его имя в августе 1909 года от начальника Генштаба запрос о ходе реализации решений комиссии Трусевича: "Господин товарищ министра изволил приказать уведомить начальника Генерального штаба, что к учреждению контрразведывательных отделений по выработанной комиссией схеме № 4 (т. е. в структуре розыскных органов МВД. — В. М.) препятствий не встречается при условии ассигнования Военным ведомством необходимых денежных средств" // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1909. Д. 282. Л. 151.

⁶ Там же. 1908. Д. 182. Л. 34; Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данные в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1926. Т. 3. С. 214–215.

⁷ Там же. Т. 1. С. 98–101; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 129.

⁸ А. И. Гучков рассказывает: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 90–92; Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 267.

⁹ В мае 1911 года член комиссии генерал Н. А. Монкевиц в докладной записке начальнику Генерального штаба в качестве основной причины, не позволившей реализовать на практике решение комиссии Трубевица, указывал именно финансовые трудности // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 153. Л. 94. Однако это не помешало военному министру после отказа руководства тайной полиции от создания контрразведывательных отделений в своей структуре “выбить” из казны необходимые ассигнования на работу “своих” КРО.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14. Д. 1. Л. 95; Д. 18. Л. 33.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Д. 142. Л. 70–71.

¹² Никитинский И. Из истории русской контрразведки. С. 78–80.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 153. Л. 95–96.

¹⁴ Там же. Д. 168. Л. 18.

¹⁵ Никитинский И. Из истории русской контрразведки. С. 299, 301.

¹⁶ Там же. С. 324.

¹⁷ У наших союзников англичан именно так было поставлена система организации контршпионажа. См.: Hiley Nicholas. Counter-espionage and security in Great Britain during the First World War // English Historical Review. 1986. July. P. 635–670.

¹⁸ Среди необходимых мероприятий по объединению действий реорганизованных на новых началах КРО с другими правительственными учреждениями комиссия Моллова предлагала “обязать жандармские власти не только всемерно оказывать содействие контрразведывательным бюро, но и принимать все усилия к самостоятельному приобретению агентуры по шпионажу и контршпионажу”. Расходы на это должны были компенсироваться за счет военного ведомства. Чинам общей и сыскной полиции в проекте специальной инструкции Департамента полиции, подготовленной в конце 1915 года, также ставилась задача оказания “всяческого содействия контрразведывательным бюро”. См.: Никитинский И. Из истории русской контрразведки. С. 305–306.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 356. Л. 146–147, 155–157, 193.

²⁰ А. С. Резанов являлся автором одного из первых в России исследований по проблеме борьбы со шпионажем. См.: Немецкое шпионство. СПб., 1915.

²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1901. Д. 102. Т. 2. Л. 95–96.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ

15 октября 1893 года был создан Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов, призванный защищать интересы государства от тайного провоза товаров и от всякого незаконного проезда и перехода различных лиц через границу Российской империи. Эти обязанности определялись нормативными документами. Сначала ОКПС решал свои задачи на северо-западном, западном и закавказском участках границы, а с 13 апреля 1894 года и в Средней Азии, и Закаспийской области. Корпус взял под охрану более 14 тысяч верст границы, остальные охранялись казачьими войсками, частями Военного министерства и иными специальными формированиями.

Служба осуществлялась постами (кордонами) в форме пограничного надзора и подразделялась на два вида: сторожевую и разведывательную. Первая предполагала наблюдение и контроль, вторая — ведение агентурной и войсковой разведки. Усиление контрабандного промысла и невысокая эффективность сторожевой службы по его пресечению привела к усилению агентурной работы. В одном из первых циркуляров командира Корпуса генерала от артиллерии А. Д. Свинына отмечалось, что “безуспешность действий чинов в преследовании контрабанды объясняется, между прочим, неимением в отрядах хороших доносчиков” и обращалось внимание начальников пограничных округов и командиров бригад, Беломорского и Керченского особых отделов “на ту пользу, которую, несомненно, приносят в деле охраны границы хорошие лазутчики”; предлагалось усилить работу по налаживанию агентуры, помня, что затраченные “на приобретение хороших благонадежных доносителей труды и даже денежные средства никогда не пропадут даром и при достаточной энергии всегда вознаграждаются с избытком”¹.

Улучшения разведывательной службы требовала сложная обстановка на границе. Многочисленные стычки с контрабан-

дистами и вооруженными бандами ставили перед пограничниками задачу повышения профессионального мастерства. С 1894 по 1913 год воины границы участвовали в 3595 вооруженных столкновениях, в которых было убито 1302 и ранено 1702 нарушителя, но и сами потеряли 177 погибших и 369 раненых объездчиков и стражников². Положение в приграничье значительно осложнилось, особенно на западном участке, в преддверии Первой мировой войны. Участились случаи вербовки жителей и пограничников. Так, в Велюнской бригаде унтер-офицеру Л. Сергиевскому, служившему писарем и имевшему доступ к секретным документам, мешанин Х. Ружевич предложил сотрудничать с немецкой разведкой. О случившемся Сергиевский доложил по команде и в жандармское отделение. Командир бригады разрешил унтер-офицеру встречу с Ружевичем, чтобы узнать его намерения. За вознаграждение в 10 рублей и угощение на 3 рубля Ружевич просил предоставить ему мобилизационные планы бригады. Агента разведки арестовали и вскоре осудили. Все чаще граница нарушалась воздушными шарами и самолетами.

Однако в ОКПС не было специальной разведывательной службы и ведение агентурной работы, как правило, становилось частью обязанностей должностных лиц. Начальник пограничного округа следил за разведкой и организацией агентурного дела и командировал стражников для сбора дополнительных сведений. В самом округе за постановку работы агентуры отвечал штаб-офицер для поручений при начальнике штаба. Командир бригады руководил разведкой лично, подбирая для ведения агентурной работы подчиненного непосредственно ему офицера. Разведку вели командиры отделов, отрядов, старшие вахмистры и помощники начальников постов. Командир отряда был обязан знать имена, фамилии, клички каждого агента, а также всех вожakov контрабандистов и переправщиков. Для ведения войсковой разведки начальники постов высылали разъезды.

При комплектовании ОКПС рядовым составом изначально обращалось внимание на "благонадежность пограничному надзору", предполагавшую, прежде всего, честное выполнение требований присяги. Ряд нижних чинов зачислялись в поднадзорные, при них всегда находился кто-либо из сослуживцев³. Приказом командира от 17 мая 1894 года из Корпуса были удалены "как ненадежные писари-католики" и всем офицерам за-

прещалось "иметь наемную прислугу римско-католического вероисповедания мужского пола". В войсках ОКПС евреи не должны были служить даже в должности рядовых. В бригадах вели списки жителей, признанных "неблагонадежными в отношении пограничного надзора", лишенных права на получение документов для поездок за границу.

Принимались меры к повышению уровня агентурной работы офицерского и унтер-офицерского состава. При штабах бригад проводились занятия, выпускались различные наставления, памятки, "практические советы". Например, в брошюре М. П. Чернушевича "Приемы военного шпионства и шпионы" раскрывались понятия "военный шпионаж", "двойной шпионаж", пояснялось, чем интересуются шпионы, как они стремятся получить секретные сведения, под каким видом работают, как заводят знакомства с чинами стражи, напоминалось, что "солдат не должен быть болтливым", обязан помнить о присяге и говорилось о наказаниях за ее нарушение⁴. В "Практических советах отрядному офицеру пограничной стражи" ротмистра В. С. Степанова рекомендовалось скрывать в тайне от рядовых пограничников имена доносителей, "ибо один солдат по своей глупости выдаст доносителя, другой — по злобе, третий — начнет приставать к доносителю и пугать его", требуя денег. "Имейте в виду, — писал ротмистр, — что если контрабандисты узнают вашего доносителя, то ему уже несдобровать: ему мстят страшно, его сжигают, его бьют, убивают". И еще два совета: "Главное, что вы за каждое сведение платите деньги немедленно, не дожидаясь выдачи награды за поимку" и "...назначайте свидание в условленно скрытом месте, по возможности ночью, но отнюдь не на кордоне или у себя в квартире, или у него на дому. Ваше свидание с ним должно быть для всех тайной". Инструкция по ведению агентурной работы тоже предписывала иметь верных агентов и за достоверные сведения "часто и по уговору" расплачиваться с ними; их имена хранить в тайне, чтобы местные жители не могли даже догадаться, кто сообщает сведения о контрабанде, и тем не дать возможности отомстить доносителю.

Штаб-офицеры при начальниках округов вели секретные книжки, куда заносили сведения, полученные агентурным путем и войсковой разведкой о контрабандистах и эмигрантах, побегах военнослужащих за границу, приходы и расходы секретных сумм и др. В штабах бригад секретные книжки велись за-

ведущими агентурой офицерами, где была такая должность, в других штабах — одним из офицеров, назначенным распоряжением командира части; книжки велись командирами отделов и отрядов⁵. На постах (кордонах) велись записи сведений доносителей.

При несении разведывательной службы офицеры и нижние чины ОКПС взаимодействовали со служащими Департамента полиции, жандармерии, таможенного ведомства, Военного министерства и другими государственными структурами⁶. Командиры бригад часто обращались с просьбой к уездным начальникам, чтобы полицейские при получении сведений о контрабандистах сообщали бы на посты и устанавливали “надзор за подозреваемыми в контрабанде”, в свою очередь, данные отрядных доносителей должны были передаваться чинам полиции⁷. Жандармы имели право вести работу в пограничной полосе, а пограничники обязаны были оказывать им “в случае необходимости, по их заявлениям, возможное содействие”.

И все же вопросы четкого разграничения обязанностей и взаимодействия Отдельного корпуса пограничной стражи и Отдельного корпуса жандармов не были решены. В 1908 году от межведомственной комиссии ОКПС, Департамента таможенных сборов и Департамента полиции поступило предложение о подчинении офицеров-пограничников начальникам районных жандармских отделений при ведении тайного розыска. В своем решении от 15 апреля 1909 года комиссия отметила, что “агентурное дело в ОКПС находится в зачаточном состоянии... агентура корпуса пограничной стражи не должна быть направлена исключительно на политический розыск, а возможно шире вести таможенный сыск”, и предложила объединить агентуру в одних руках. Однако командир Корпуса выступил против, считая вполне достаточным ведение совместного розыска преступников и согласование вопросов⁸. Понятно, чего опасался генерал-лейтенант Н. А. Пыхачев. В предложении он усмотрел фактическое ослабление войсковой охраны границы из-за постановки на первое место интересов агентурной работы в ущерб сторожевой.

Не вполне справедлива низкая оценка работы с агентами. В 1911–1913 годах пограничники задержали 17835 нарушителей, провели 2134 выемки и пресекли провоз контрабандных товаров на общую сумму около 800 тысяч рублей. Большая часть задержаний была произведена при помощи агентуры.

Другим важным направлением агентурной работы стала борьба с контрабандой политической литературы и оружия. Листовки, брошюры, книги и газеты революционного содержания активно провозили через границу с конца XIX века. Как правило, при получении информации о возможном нарушении усиливалась охрана границы. Командир Волоховского отряда Волочисской бригады ротмистр Кокушкин, получив вечером 19 октября 1903 года сведения о возможной контрабанде из Австро-Венгрии, поставил несколько секретов, которые и задержали нарушителей. Командир Новоселицкого отряда Хотинской бригады ротмистр Черноглазов, имея агентурные сведения о месте нахождения контрабандной политической литературы, вместе с жандармским офицером обыскали постоялый двор Д. Пекера и повозку австрийского подданного И. Коша и в мешке обнаружили 191 экземпляр книг, запрещенных к ввозу в империю. Самым “урожайным” оказался 1905 год, когда было перехвачено почти 24 пуда, или более 150 тысяч экземпляров, политической литературы⁹.

Контрабандный промысел оружия получил широкое распространение с увеличением масштабов терроризма, особенно в первой революции, и прежде всего на западном участке границы, и в Закавказском крае. Штабс-ротмистром Вольбеком после получения от доносителя сведений о наличии оружия и боеприпасов в лавке купца в селе Ассулы в ночь с 19 на 20 сентября 1906 года в присутствии двух понятых был произведен обыск и обнаружена контрабанда. Таких случаев были десятки. Поэтому командование ОКПС активизировало агентурную работу по выявлению причастных лиц. По просьбе министра иностранных дел А. П. Извольского командир Корпуса дал указание командиру Эриванской бригады об установлении наблюдения за всеми подозрительными лицами, следовавшими вдоль границы или в ее сторону, а также через таможи, о выявлении через агентуру всех жителей, замеченных в хранении оружия и установлении за ними негласного надзора¹⁰.

Агентура ОКПС использовалась и для борьбы с террористами и революционными агитаторами. Вахмистр Ф. Маслянский после получения сведений, что в деревню Рагацем “явился какой-то человек и, созвав крестьян в лавку, подговаривает их к действиям против правительства”, 14 сентября 1905 года выехал с нарядом в деревню, задержал агитатора и под конвоем

направил его к командиру отряда. В том же году на станции Линдварово ротмистр Степанов после получения информации от Виленского охранного отделения задержал долго разыскиваемого террориста Овсея Таратуту. На допросе тот назвался Мовшей Столяром, но когда при досмотре вещей у него нашли пироксилин и три паспорта на имена Х. Этингена, И. Брозовского и Х. Яржомбика, он назвал свое настоящее имя¹¹.

В начале 1905 года заграничная агентура Главного управления Генерального штаба и Департамента полиции сообщила о выходе из портов Европы пароходов с оружием, предназначенного к тайному ввозу в Россию. На европейских заводах готовили очередные партии оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, поскольку революционеры внесли задаток в сумме 800 тысяч рублей. Принятыми мерами транспорты были задержаны и несколько десятков революционеров-контрабандистов арестованы.

Наряду с решением задач по охране границы в ОКПС существовала и агентурная проверка ее охраны. Под видом представителей торговых фирм, купцов и прочих офицеры направлялись на сопредельную территорию не только для сбора сведений о вероятных нарушителях, но и для проверки несения службы объездчиками и стражниками. Такую задачу решал, например, штабс-ротмистр Глебович в Пруссии в феврале 1908 года. Уже на той стороне границы он встретил около сорока рабочих, пришедших из села Кохова. Между ним и рабочими состоялся такой разговор:

— Ведь москали могли вас поранить или убить.

— Мы их и не видели, там мужики раньше уговорились с агентами.

— Сколько вам это стоило?

— Кто не имеет карты (документа), тот заплатил 3 рубля, а кто с картой — по 1 рублю 50 копеек.

Это было в пятистах шагах от пограничного поста Здраве Петровицкого отряда.

На обратном пути Глебович разговорился с возницей, и тот рассказал о корчмаре Горжинском, посреднике контрабандистов, а затем поведал анекдотичный случай. «Москали на границе так здорово спят, что ничего не видят. Недавно один житель Злотова видел, будучи на поле, как москаль спал, а на нем две вороны сидели. Он подумал, что солдат умер, подошел к грани-

це и стал кричать, москаль услышал крик и поднялся, и вороны улетели».

Вернувшись из «командировки», штабс-ротмистр направил рапорт о ходе проверки начальнику пограничного округа. 8 апреля тот отдал распоряжение командиру Александровской бригады: «Немедленно собрать, насколько возможно, более подробные сведения по сему и о результатах донести»¹².

Разведывательная служба ОКПС являлась одним из основных видов службы по защите государственных интересов. Офицеры и унтер-офицеры взаимодействовали с чинами департаментов полиции и таможенных сборов и жандармами в ведении политического сыска и таможенного розыска. Уровень агентурной работы был невысоким и не позволял в полной мере использовать имеющиеся силы и средства в охране границы. Одной из причин этого была недооценка важности разведывательной службы и отдаваемое предпочтение службе сторожевой командирами и начальниками Корпуса.

¹ Центральный музей Федеральной пограничной службы России (ЦМ ФПС). Фонд научный. Д. 474. Л. 7.

² Пограничник. 1914. № 100. С. 3292.

³ ЦМ ФПС. Ф. научный. Д. 590. Л. 5–6.

⁴ Чернушевич М. П. Приемы военного шпионства и шпионы. На- ставление для нижних чинов. СПб., 1914.

⁵ ЦМ ФПС. Ф. научный. Д. 592. Л. 2–3; Д. 528. Л. 3а; Д. 592. Л. 51.

⁶ РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 260. Л. 190.

⁷ Там же. Л. 192.

⁸ Там же. Л. 108–109.

⁹ Там же. Д. 1. Л. 138.

¹⁰ Там же. Д. 14. Л. 114; Д. 260. Л. 190, 192.

¹¹ Там же. Д. 9. Л. 6–7, 140–141.

¹² Там же. Д. 17. Л. 287–289.

О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В России в начале XX века «не было почти ни одного ведомства — министерства, которое бы в том или ином виде не занималось бы зарубежной агентурной разведкой или контрразведкой», утверждал знаток деятельности спецслужб К. К. Звонарев¹. Наряду с другими министерствами — военным, морским, внутренних дел, финансов — добывание секретной информации за границей и в пределах империи осуществляло Министерство иностранных дел. В Положении об учреждении Министерства иностранных дел, утвержденном Александром I в 1803 году и подтвержденном Николаем II в 1897 году, эта задача формулировалась следующим образом: «всестороннее наблюдение за явлениями политической и общественной жизни в иностранных государствах, поскольку таковые затрагивают внешние политические и иные интересы России»².

Структурно МИД состоял из двух составных частей. Первая — заграничные установления, образовавшие Департамент внешних сношений. По внутриминистерской иерархии все страны мира подразделялись на три группы: великие державы — с ними поддерживались дипломатические отношения на уровне посольств (в рассматриваемый период — 9); второстепенные государства — в них Россия была представлена на уровне миссий (22—24); прочие страны — там были учреждены генеральные консульства (32), консульства (71—81), вице-консульства (28) и консульские агентства. Всего в 1907 году насчитывалось 169, в 1912 году — 175 штатных заграничных установлений³. Вторую часть составлял центральный аппарат Министерства, состоявший из Канцелярии, где была сосредоточена вся политическая переписка МИД с загранпредставительствами России и с иностранными державами, а также между подразделениями министерства внутри империи; Департамента внутренних сношений, в чье ведение входили все политические дела, касавшиеся Западной Европы и Западного полушария, а также все дела русских подданных этих регионов; Азиатского департамента, в

чью компетенцию входили (помимо прочих) политические дела стран Ближнего Востока и турецкой Европы, стран Средней Азии, Дальнего Востока, Африки; Департамента личного состава и хозяйственных дел, ведавшего кадрами МИД как внутри, так и вне империи и составлением финансовых смет.

Ведение разведки Департаментом внешних сношений, точнее, входящими в него дипломатическими представительствами различных рангов, осуществлялось с помощью агентуры из числа иностранцев, доверительных, оперативных и иных связей, а также на безагентурной основе. Российские дипломаты придерживались дифференцированного подхода к решению разведывательных задач в каждой конкретной стране в зависимости от оперативной обстановки, одним из основных элементов являлся контрразведывательный режим. Так, в ряде ведущих государств Западной Европы руководители диппредставительств, не прибегая к агентурным методам работы, стремились занять привилегированное положение при главе государства с тем, чтобы с максимальной отдачей выполнять свой профессиональный долг. Главы посольств и миссий активно работали с руководителями внешнеполитического и других ведомств страны пребывания с целью налаживания устойчивых доверительных отношений, помощью которых можно было оперативно решать поставленные перед ними задачи.

Российский посол в Париже А. П. Извольский писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову в январе 1913 года: «Как Вам известно из телеграмм моих... я имел 15-го и 16-го сего месяца длинные беседы с новым министром иностранных дел г-ном Жоннаром и с только что выбранным в президенты республики г-ном Пуанкаре... Г-н Пуанкаре выразил мне желание и после своего вступления в Елисейский дворец часто видется со мной и просил меня обращаться непосредственно к нему каждый раз, когда это покажется мне желательным; подобное отступление от принятых здесь обычаев может при нынешних сложных обстоятельствах оказаться весьма для нас полезным и удобным»⁴. Несколько позже, в апреле того же года, Извольский докладывал Сазонову: «Как я уже имел случай писать Вам, французское министерство иностранных дел уверяет, что оно имеет возможность осведомляться весьма секретным путем о переговорах, происходящих между Берлином, Веною и Римом, причем получаемые из этого источника сведе-

ния оно считает безусловно достоверными... Сведение это, как Вам известно из телеграмм моих, в высшей степени встревожило французское правительство и г-ну Делькассе⁵ было тот час поручено весьма доверительно сообщить его Вам. ...Из полученной мною сегодня от Вас весьма доверительной телеграммы № 894, я вижу, что сведения... получены Вами не только от г-на Делькассе, но и из собственного Вашего весьма секретного источника, чем вполне подтверждается их подлинность”⁶.

На результативность работы послов влиял целый ряд факторов — политические взгляды, широта кругозора, уровень связей с местными политическими и деловыми кругами страны пребывания, знание истории и практики международных отношений. Так, российское посольство в Берлине до 1912 года возглавлял престарелый Н. Д. Остен-Сакен. За 1907 год посольство направило в Центр всего 87 донесений, из которых лишь 20 были посвящены вопросам внешней политики. Основным источником информации, как видно из содержания донесений, являлась открытая пресса. В этой связи посольство в Берлине до 1912 года не пользовалось особым доверием МИДа.

В странах, входивших в орбиту внешней политики России, как, например, Сербия и Черногория, руководители дипломатических миссий получали секретную информацию непосредственно от членов правительства или даже его руководителя. В этой связи показательной является деятельность российского посланника в Белграде (Сербия) Н. Г. Гартвига, пользовавшегося в высших кругах этой страны непререкаемым авторитетом и, по существу, определявшего ее политический курс. Основным, хотя далеко не единственным, источником информации российского дипломата был премьер-министр Сербии Н. Пашич. Практически все информационные телеграммы Гартвига начинались со слов: “Пашич из секретного источника осведомился...” (шифротелеграмма № 24 от 4 февраля 1912 года), “Пашич под величайшим секретом осведомил меня...” (то же, № 63 от 8 февраля 1913 года). “Лично. Весьма доверительно. Пашич под строжайшим секретом сообщил мне...” (то же, № 108 от 3 марта 1913 года), “Пашич обращает мое внимание на полученные им из секретного источника данные...” (то же, № 443 от 5 мая 1913 года)⁷.

Влияние Гартвига на развитие военно-политической ситуации в этом важном регионе, имевшем в тот период (равно как и

в последствии) стратегическое значение для России, вызвало попытки ряда политических деятелей Австро-Венгрии скомпрометировать этого дипломата-разведчика через свои связи в Петербурге, что даже вынудило его оправдываться: “Периодически, именно в критические минуты, направляемые против меня голословные инсинуации, не подтверждаемые фактическими данными, имеют определенную цель подорвать значение делаемых мною сообщений, будто бы не соответствующих принятым в Петербурге решениям. Мне хорошо известно, что не только австрийским агентам, но и некоторым другим претит занимаемое мною здесь совсем исключительное положение, каковым, казалось бы и должно быть положение русского представителя в славянской земле”⁸.

Сотрудники российского МИДа вели активную разведывательную работу и на Дальнем Востоке, в частности, в Китае, где ими были созданы прочные агентурные позиции среди китайцев, служивших надежным источником разведывательной информации по широкому кругу политических и оперативных вопросов. Наглядное представление об этом дает отчет российского посланника в Пекине С. Колоколова директору 1-го Департамента МИДа: “Собирание сведений политического характера, касающихся действий местной китайской администрации, сношения ее с центральным правительством и провинциальными органами, общественного настроения, деятельности китайских секретных религиозно-политических обществ, миссионеров и других иностранцев, как проживающих в пределах провинции, так и посещающих города и поселения Южной Манчжурии, при разбросанности населенных пунктов и сравнительно большой площади Шэнь-Цзинской провинции, соприкасающейся в наиболее удаленных от Мукдена частях ее с теми районами, в которых сгруппировываются интересы англичан и японцев, вызывает необходимость содержания некоторого штата негласных агентов, в круг наблюдения которых входили бы известные районы. К сожалению, к такого рода деятельности не могут быть призваны русские подданные, проживающие по торговым делам в разных городах провинции, так как все они принадлежат к той категории лиц, которая не имеет намерения прочно осесть в Маньчжурии и ставит свое пребывание в связь с продолжительностью оккупации ее нашими войсками. С другой стороны, лица эти не обладают и достаточными сведениями

для выполнения тех требований, которые предъявляются к разведчикам. Таким образом, в этом отношении приходится ограничиваться услугами китайцев"⁹.

Одним из приоритетных направлений разведывательной деятельности МИДа являлась Турция, которая занимала одно из важнейших мест в системе геополитических интересов Российской империи¹⁰. Наглядным тому подтверждением служит факт, что по данным за 1905 год из 326 сотрудников МИДа, занимавших штатные должности за границей, 67 служили в Османской империи. Для полноты картины добавим, что второе место по численности сотрудников занимало российское посольство в Китае (43 человека). В Германии служили 38 русских дипломатов (1-е место в Европе), в Персии — 32 сотрудника¹¹.

Хотя традиции разведывательной деятельности российских дипломатов в Турции восходили к эпохе Петра I, как явствует из архивных источников, и много лет спустя из посольства в Петербург постоянно поступала важная секретная информация по приоритетной международной тематике. Наиболее ярким в этом отношении примером является деятельность российского посла И. А. Зиновьева¹². Под его руководством посольство России в Константинополе превратилось, по существу, в форпост разведывательной деятельности МИД. Мнение посла высоко ценилось в Петербурге. Он являлся автором нескольких развернутых аналитических записок, русского варианта проекта судебной реформы в Македонии, обсуждавшегося в 1907 году послами великих держав¹³. Вместе с тем необходимо отметить, что в 1908—1909 годах И. А. Зиновьев в своей информационно-аналитической деятельности основное внимание уделял освещению международных проблем, почти не касаясь проблем внутриполитических и в результате фактически проглядел начало младотурецкой революции в 1909 году, за что и был отозван со своего поста.

Правомерно утверждать, что Турция являлась страной, где российская разведка имела надежные источники во всех представлявших интерес слоях общества. Этот вывод находит свое подтверждение, в частности, при анализе финансовой отчетности посольства за период с 1888 года по 1905 год. Достаточно сослаться на перечень наиболее часто повторяющихся статей оперативных расходов посольства за указанный период: чинов-

нику в Порте за доставление сведений в течение всего года; телеграфному чиновнику за доставление телеграмм в течение всего года; за доставку секретных сведений¹⁴; лицу, находящемуся в сношениях с чинами администрации; за доставление секретных сведений при Министерстве иностранных дел; за секретные документы из Порты; за доставление сведений из Дворца за весь год; известному г-ну послу лицу во Дворце¹⁵; за доставление секретных телеграмм из МИДа; за доставление секретных документов и сведений из Великого Везирата; за доставление секретных телеграмм из Ильдыза¹⁶.

При этом основной упор делается на агентуру из служащих среднего звена. Лица этой категории располагали не менее ценной информацией, чем высокопоставленные сотрудники госаппарата, а устанавливать и поддерживать с ними конспиративные отношения было значительно проще. Так, И. А. Зиновьев писал министру иностранных дел А. П. Извольскому в апреле 1908 года: "Получение сколько-нибудь точных сведений возможно лишь секретным путем при помощи лиц, пользующихся скромным положением и имеющих вследствие этого возможность поддерживать негласные сношения с мелкими турецкими чиновниками... Этим же путем мне удалось с 1904 года почти постоянно получать с константинопольской телеграфной станции копии с турецких секретных телеграмм"¹⁷. Благодаря большому агентурному аппарату посольство на протяжении ряда лет добывало важную политическую информацию по широкому кругу вопросов международной политики. О напряженной деятельности свидетельствует тот факт, что только за 1907 год оно направило в МИД 363 донесения.

Важно отметить фактор преемственности, являвшийся нормой во взаимоотношениях отечественных дипломатов высшего ранга. Многие послы, сознавая, что разведка в данной стране не с ними началась, не с ними и прекратится, принимали все меры для поддержания ее на стабильном уровне, как в агентурном, так и финансовом отношениях. Об этом, в частности, свидетельствует письмо предшественника Зиновьева на посольском посту А. И. Нелидова министру В. Н. Ламздорфу от 15 января 1897 года, в котором, помимо прочего, затрагивается вопрос "об истощении особого кредита на добывание секретных сведений": "Ныне, имея в виду огромную пользу, приносимую интересам Императорского Правительства возможностью

получать этим путем самые секретные и важные сведения, о чем хорошо известно Императорскому Министру, я считаю долгом в интересах службы тем более ходатайствовать о возобновлении этого кредита, что для нового Посла еще важнее будет иметь средства следить негласным образом за изменчивою и неискреннею деятельностью Султана и Его Правительства. Но кроме этого, для действительного тайного советника Зиновьева весьма важно будет мочь сохранить на службе Императорского посольства лицо, заведующего этой частью, и которое под званием штатного драгомана оказывает посольству неоценимые услуги. Лицо это, Викентий Хаджибиар, человек, душою преданный своему делу, пользующийся всеобщим доверием и уважением, вместе с тем умеющий ловко употребить свои многочисленные связи в Турции, христианских и иностранных кругах, для доставления Императорскому посольству полезных сведений”¹⁸.

Получаемая российскими загранпредставительствами разведывательная информация тщательно изучалась и строго оценивалась. Зачастую формы и методы ее добывания, степень достоверности служили предметом оживленной дискуссии между руководством центрального аппарата и главами диппредставительств. Так, в конце 1899 года в одном из писем, подводившим итоги разведывательной деятельности посольства, прозвучала следующая оценка добываемой им секретной информации: “Наряду с весьма интересными сообщениями в Императорское министерство за последнее время от вверенного Вашему Высокопревосходительству Посольства не мало поступило и так называемых документов, добытых весьма секретным путем. Но от внимания Вашего Высокопревосходительства, конечно, не ускользнуло то обстоятельство, что за последнее время все чаще стали попадать в распоряжение вверенного Вам Посольства “секретные” документы, носящие слишком явные следы грубой подделки. К таковым нельзя не причислить сообщения, доставленные Вам, например, при депешах за № №... за последние месяцы минувшего года”¹⁹.

В феврале следующего года И. А. Зиновьев направил министру Н. И. Муравьеву обстоятельный отчет, где, помимо прочего, детально разобрал вопрос о степени достоверности сведений, добытых с помощью агентуры. Он, в частности, писал: “В Турции, где двоедушие и ложь господствуют повсеместно и где

скрещивается столько противоположных один другому интересов, получение сколько-нибудь точных сведений возможно лишь секретными путями. Ввиду этого, Посольством в Константинополе уже давно организовано было добывание сведений этими путями; убедившись по прибытии моем в Константинополь в целесообразности существования организации, я ввел в нее лишь незначительное изменение”²⁰. Касаясь причин, вследствие которых удалось найти доступ к источникам секретной информации, Зиновьев, отмечая среди прочего тот факт, что в стране пребывания “уровень общественной нравственности крайне низок, а патриотизм составляет редкое исключение”, писал: “При свойственной восточным Правительствам беспечности, государственные тайны не особенно старательно оберегаются и нередко становятся достоянием лиц, которые не имеют никакого к ним отношения. При этом условии устраняется необходимость подделывать документы, не говоря уже о том, что подделка — дело очень сложное”²¹.

Обязательным компонентом оперативной деятельности любого разведывательного органа является проверка добываемой информации. Как явствует из служебной записки, российское посольство в Константинополе регулярно проводило мероприятия по определению соответствия действительности сведений добываемых его сотрудниками: “В видах проверки документов я требую в некоторых случаях предъявления подлинников. Лицо, доставляющее Посольству конфиденциальные данные, весьма дорожит получаемым им постоянным вознаграждением и, зная, что данные эти могут быть подвергнуты негласной проверке, что и делается, не могло решиться на поступок, вследствие которого лишится доверия Посольства, а вместе с тем и упомянутого выше весьма существенного для его вознаграждения”²². Заканчивал свое письмо И. А. Зиновьев словами, которые вполне могли бы стать критерием деятельности нынешнего поколения российских дипломатов: “... я позволяю себе еще раз уверить Вас, что добываемые вверенным мне Посольством из весьма секретных источников сведения и данные, как это издавна ведется, по большей части тщательно проверяются и что отпускаемые на этот предмет нашей казной средства реализуются с большой осмотрительностью”²³.

Ведение разведки с позиций центрального аппарата осуществлялось путем перехвата (также с помощью загранпредстави-

тельств) дипломатической переписки тех государств, чьи подлинные политические позиции и устремления являлись предметом пристального интереса российского руководства, а также путем перлюстрации и дешифровки почтовой и телеграфной переписки посольств, консульств и т. д., аккредитованных в столице, Москве, Киеве, Одессе, Варшаве, Владивостоке, Иркутске и других городах. Перехват и дешифровка шифротелеграмм посольств третьих стран, перлюстрация их почтовой корреспонденции обеспечивали руководство страны достоверной информацией обо всех нюансах внешнеполитического курса противников России: Германии, Австро-Венгрии, ее давних и недавних союзников: Франции, Англии, целого ряда нейтральных стран: Бельгии, Испании, Швеции и т. д.

Архивные материалы свидетельствуют, что МИД России требовал от своих послов, чтобы те, по возможности, добывали все телеграммы посольств третьих стран. Многие страницы служебной переписки посвящены этому вопросу. Центр вел тщательный учет присылаемых материалов и добивался досылки недостающих. Так, в феврале 1906 года И. А. Зиновьев за подписью товарища министра иностранных дел получил следующую депешу: "Милостивый государь, Иван Алексеевич! Уведомляя Вас об исправном получении 75 зашифрованных английских телеграмм, разборы коих будут Вам сообщены по мере возможности, считаю долгом покорнейше просить Вас в дополнение к письму моему от 18-го сего января прислать в министерство копии недостающих еще телеграмм, а именно... Означенная секретная переписка представляет драгоценный материал для министерства и было бы существенно необходимо иметь полное собрание всех обмененных между Великобританским посольством в Константинополе и министерством иностранных дел в Лондоне телеграмм"²⁴.

В России за работу с шифрами, как отечественными, так и получаемыми по каналам разведки из-за границы, отвечал Цифирный комитет МИДа, который возглавлял один из заместителей министра. За его подписью в российские заграничные представительства направлялись указания о необходимости добывания шифрпереписки того или иного посольства, он же поддерживал контакты с руководством военного ведомства, Особого отдела МВД, другими ведомствами по этим вопросам, ходатайствовал о премировании наиболее отличившихся сотрудни-

ков. Следует отметить, что все российские министры иностранных дел уделяли самое пристальное внимание вопросам дешифровки секретной переписки иностранных диппредставительств, не жалели финансовых средств для поощрения сотрудников МИД. Об этом свидетельствует большое количество ведомостей на выплату весьма крупных сумм отличившимся чиновникам министерства. Еще в апреле 1838 года министр иностранных дел К. В. Нессельроде писал: "...чиновники, доказавшие свои способности по дешифрованию, будут иметь преимущество перед другими служащими в Министерстве, как по отношению к производству в чинах, так и по отношению к знакам отличия"²⁵.

Сохранившиеся архивные документы дают возможность судить о масштабах проделанной работы. В Канцелярии МИДа еженедельно составлялись отчеты о количестве дешифрованной корреспонденции. При их отправке заполнялись листы²⁶, с которыми они направлялись руководству страны (императору, премьер-министру, руководителям заинтересованных ведомств: министру внутренних дел, военному министру, министру финансов и т. д.). Все ведомства активно обменивались перехваченной корреспонденцией. При этом руководитель каждого из них имел право самостоятельного доклада лично Николаю II отдельных материалов, представлявших, по его мнению, особый интерес и значение.

Разнообразие и полноту документальной информации, поступающей из российских посольств за рубежом, иллюстрирует такой факт. Один из ведущих дешифровальщиков, старший чиновник канцелярии МИДа А. Долматов располагал возможностями "заказать" перехват именно тех телеграмм, которые он считал необходимыми для освещения конкретного круга проблем, и отказывался от ненужных. "Телеграмм итальянских и французских я Вам перестал высылать согласно заявлению Долматова. А на разбор германских возлагаю большие надежды"²⁷, — писал И. А. Зиновьев товарищу министра иностранных дел Н. В. Чарыкову. Столь же интенсивно российские дешифровальщики продолжали работать накануне и в годы Первой мировой войны. В 1913–1914 годах они расшифровали 2939 телеграмм из переписки государств противника, в том числе 569 из Австрии, 171 из Германии, 246 из Болгарии, 181 из Турции²⁸.

Подводя итог анализу разведывательной деятельности МИД России в предвоенный период, следует констатировать, что его центральный аппарат и дипломатические представительства в целом успешно справились с поставленными задачами, обеспечив руководство страны важной секретной информацией по широкому кругу вопросов.

Первая мировая война вызвала необходимость проведения глубокой структурной реформы и перераспределения функциональных обязанностей в аппарате МИД. Среди прочих мер, в апреле 1916 года в Министерстве создается Осведомительный отдел с целью получения и обработки информации о развитии политической ситуации за границей. На него возлагались следующие задачи: осведомление руководства страны и МИД на основе материалов прессы и донесений агентов отдела в нейтральных странах о положении за рубежом; добывание информации путем разведки.

Естественно, что в период военных действий основное внимание этого подразделения было направлено на получение сведений по германской проблематике. Так, в записке, озаглавленной "Задачи политической разведки в Германии", в частности, говорится: "Задачи политической разведки следует прежде всего строго отграничить от задач разведки военной и экономической. Военная разведка может производиться исключительно средствами военного ведомства. Что касается разведки экономической, хотя во многом она выполняет те же задачи, что и разведка политическая, определить непосредственный круг ее деятельности возможно лишь по соглашению с Комитетом по ограничению снабжения неприятельских стран при Министерстве торговли, так как в нем сосредоточены все экономические сведения о Германии из вражеских и союзных источников. Задачи чисто политической разведки могут быть определены только по мере опыта в этом деле, когда из получаемых сведений выяснится обстановка работы агентов. Заранее же возможно лишь дать общую схему тех сведений, потребность в которых ощущается и не может быть удовлетворена обыкновенными средствами. При этом предполагается, что в основе деятельности агентов будет поставлено два правила: 1) Сообщать лишь сведения, не сделавшиеся достоянием гласности путем печати и т. п. Это не исключает необходимости для агента освещать скрытые стороны известных фактов. 2) Сообщать только конкретный мате-

риал, преимущественно факты. Личные впечатления агентов также важны, но они должны быть подкреплены данными: именами, сроками, местом и т. п."²⁹

25 октября 1917 года ознаменовало очередной, последний этап, в деятельности Министерства. Началась коренная ломка всего государственного аппарата управления страной. В полной мере она коснулась и МИД. В целях организации, обсуждения и подготовки решений по внешнеполитическим вопросам 2(15) ноября 1917 года в составе ВЦИК был создан международный отдел. Практическая деятельность в области внешних сношений была поручена Комиссии по делам иностранным, позднее переименованной в Народный комиссариат иностранных дел. Первым наркомом иностранных дел был назначен Л. Б. Троцкий. Почти все чиновники центрального аппарата МИД отказались служить новой власти и приняли участие в общепетербургской забастовке государственных служащих, возглавленной бывшим товарищем министра А. М. Петряевым. Приказом наркома от 16(29) ноября все они были уволены. Уполномоченному НКВД И. Залкиндю комиссаром военно-революционного комитета при НКВД М. С. Урицким были выданы ордера с представлением права подвергать аресту чиновников МИД, заподозренных в деятельности против наркомата. 22 ноября (5 декабря) 1917 года НКВД направил за границу циркулярную телеграмму, в которой всем руководителям и сотрудникам заграничных установлений предлагалось немедленно уведомить руководство об отношении к советской власти и согласии проводить внешнюю политику, определенную Вторым съездом советов. Положительный ответ дали лишь поверенный в делах в Португалии Р. Р. Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах Испании Ю. Я. Соловьев. Все остальные дипломаты общим числом 27 человек, руководители посольств и миссий, были уволены со своих постов приказом по НКВД от 26 ноября (19 декабря) 1917 года без права на пенсию и занятие иных должностей в госаппарате.

¹ Звонарев К. К. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929. Т. 1. С. 1.

² Свод Законов Российской империи. СПб., 1898. Т. 1. С. 638.

³ В архиве внешней политики России (АВПР МИД РФ) сохранились данные только за 1907–1912 годы. Помимо штатных представительств, интересы Российской империи за границей представляли не-

штатные установления, состоявшие из 1 генконсульства, 45 консульств, 228–301 вице-консульства.

⁴ АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 970. Д. 131. Л. 198–199.

⁵ Т. Делькассе (1852–1923) — посол Франции в России в 1913–1914 годах.

⁶ АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 131. Л. 24–25.

⁷ Там же. Д. 113. Л. 407, 644, 890, 3073.

⁸ Там же. Л. 1710.

⁹ АВПР. Ф. ДЛС и ХД. Секретные дела. Оп. 481. Д. 176. Л. 3.

¹⁰ Достаточно упомянуть о политическом и экономическом значении важнейшей зоны жизненных интересов России, которую контролировала Турция, — проливов Босфор и Дарданеллы, через которые в начале XX века проходила 1/3 всего русского экспорта, в том числе 3/4 хлебного.

¹¹ Игнатъев А. В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 287.

¹² Иван Алексеевич Зиновьев (род. 1853) — один из выдающихся российских востоковедов, кадровый дипломат, с 1883 года директор Азиатского департамента МИД. С 1887 года по май 1909 года — посол в Константинополе. Николай II высоко ценил И. А. Зиновьева, назначив его членом Государственного Совета.

¹³ АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 32. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3245. Л. 63.

¹⁵ Там же. Л. 69–70.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ Там же. Оп. 482. Д. 3245. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 111.

¹⁹ Там же. Д. 3246. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 480. Д. 32. Л. 4.

²⁵ Там же. Ф. ДЛС и ХД. Секретные дела. Оп. 481. Д. 78. Л. 1.

²⁶ Из содержания листа 82 от 5 апреля 1906 года видно, что в данный перечень входили как отдельные документы (письмо австрийского советника, рапорт болгарского посланника в Вене), так и целые их серии (письма китайского посланника). Иногда просто указывался источник: бельгийское посольство в Париже, британское вице-консульство в Кронштадте и т. д. — АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 75. Л. 166.

²⁷ Там же. Д. 216. Л. 4.

²⁸ Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 233.

²⁹ АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. Оп. 1. Д. 804. Л. 27–

В. И. ЛАЗАРЕВ,

кандидат юридических наук.

Академия ФСБ РФ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Организуя борьбу с разведывательной деятельностью иностранных разведок, коррупцией Федеральная служба безопасности России широко использует различные специальные средства. Практически ни одна серьезная оперативная разработка сегодня не обходится без агентурных мероприятий и наружного наблюдения. В этой связи может сложиться впечатление, что они изначально присущи деятельности отечественных спецслужб. В действительности же и агентура, и наружное наблюдение как специальные средства органов разведки, контрразведки, политического розыска имеют свою историю возникновения и становления.

Преображенский приказ и Канцелярия тайных розыскных дел фактически не использовали в своей деятельности специальных сил и средств. В качестве чуть ли не единственных источников информации о совершенных или готовящихся государственных преступлениях для Преображенского приказа и его преемников служили доносы и материалы перлюстрации. Доносительство активно поощрялось самим государством. В свою очередь, обвиняемое лицо, как правило, немедленно арестовывалось и его допрашивали с применением пыток.

Первые два десятилетия XIX века стали в истории отечественных спецслужб периодом поиска оптимальной организационной структуры и новых методов работы. В частности, в эти годы последовательно возникают Тайная политическая экспедиция при военном губернаторе в Петербурге, Комитет высшей полиции, Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, и некоторые другие учреждения. В 1811 году по примеру Франции в России было образовано Министерство полиции, состоявшее из трех департаментов и Особенной канцелярии. Последняя занималась вопросами выезда и въезда в Россию иностранцев, российских

граждан, организовывала наблюдение за неблагонадежными и решала некоторые другие вопросы.

Деятельности перечисленных выше учреждений при всем их внешнем разнообразии был присущ один общий и весьма существенный момент. Не полагаясь на заявительские материалы, они сами предпринимали меры по сбору интересующей информации, касающейся политического розыска и иностранного шпионажа. К числу основных методов их работы относилось направление соответствующим образом экипированных чиновников в общественные места — клубы, театры, трактиры, рынки и т. п. для изучения настроений в различных кругах общества, выявления конкретных недовольных самодержавным строем лиц и подозрительных иностранцев. В ряде случаев практиковалось переодевание в гражданское платье полицейских офицеров.

Если проанализировать эту практику с точки зрения сегодняшних теоретических представлений о деятельности спецслужб, то можно констатировать, что мы имеем дело с состоявшими на государственной службе сотрудниками, фактически выполнявшими задачи агента, а иногда, по мере необходимости, и обязанности сотрудника наружного наблюдения. Сходная постановка оперативной работы была присуща на первых порах и деятельности созданного в 1826 году III-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии. Однако, столкнувшись с необходимостью борьбы с революционными кружками, революционной эмиграцией, уже во второй четверти XIX века III-е Отделение начинает прибегать к использованию тайных агентов.

Один из наиболее известных исследователей российских органов политического розыска XIX века И. В. Оржеховский в своей монографии "Самодержавие против революционной России" относит к числу первых агентуристов-профессионалов управляющего III-м отделением М. Я. фон Фока — человека незаурядного, имевшего хорошее образование и владевшего несколькими иностранными языками. Из сохранившихся писем фон Фока известны фамилии некоторых агентов III-го Отделения: статский советник Нефедьев, граф Соллугуб, коллежский советник Бландов, писатель и драматург Висковатов и даже один из князей Голицыных. Однако, говоря об агентуре III-го Отделения на начальном этапе его существования, иногда трудно

провести грань между собственно агентом и кадровым сотрудником.

Примерно к середине XIX века в III-м Отделении появляется должность чиновника по особым поручениям, которая по своим функциональным обязанностям во многом напоминает сегодняшнего оперативного работника органов безопасности, занимающегося агентурной работой. По состоянию на 1841 год в число чиновников-агентуристов III-го Отделения входили А. А. Сагтынский, М. М. Попов, Н. А. Кашинцев, К. Ф. Швейцер, которые приобретали платную тайную агентуру не только внутри страны, но и за границей в среде российской революционной эмиграции.

Значение агентурной работы возрастало по мере оживления общественного и революционного движения в стране. И особенно стала очевидной потребность специальных служб в агентуре и наружном наблюдении после появления действовавших на сугубо конспиративной основе народовольческих организаций, пытавшихся бороться с самодержавием методами террора. К концу периода существования III-го Отделения, то есть в 60–70-х годах прошлого века, произошло постепенное разделение секретных агентов на две основные группы: агентов, осуществлявших внутреннее наблюдение, и агентов наружного наблюдения. Первая категория позднее получила название "внутренняя агентура" и представляла собой агентов в сегодняшнем понимании. К ним относили тайных агентов органов политического розыска, проникших внутрь революционного кружка или организации. "Наружная агентура" позднее стала именоваться филерами или наблюдательными агентами, которые к концу века превратились в штатных сотрудников органов политического розыска. Помимо двух основных категорий агентуры появился и термин "штучник", под ним подразумевалось лицо, выполнявшее разовые поручения органов политического розыска за отдельную плату.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что первой в истории России специальной службой, создавшей и активно использовавшей в своей деятельности агентурный аппарат внутри страны, явилось III-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Одновременно следует отметить, что агентурной работе Отделения был присущ ряд существенных недостатков. Не были до конца отработаны во-

просы конспирации, в агентурном аппарате было много случайных лиц, работавших исключительно ради денег, поступавшая от них информация не всегда была достоверной и объективной.

Конец XIX — начало XX века ознаменовались весьма серьезными потрясениями во внутриполитической жизни Российской империи. Широилось массовое революционное движение. Последователи народолюбцев — партия социалистов-революционеров — взяла на вооружение в борьбе с самодержавием методы террора. Происходившие события не могли не вызвать беспокойства правительства и повлекли за собой серьезные изменения в системе органов политического розыска. К началу XX века руководящим органом политического розыска в России стал Департамент полиции МВД, а точнее — его Особый отдел. Последний руководил работой губернских жандармских управлений и созданных на рубеже веков охранных отделений. В разное время Особым отделом руководили или работали в нем такие известные в области политического розыска деятели, как Л. А. Ратаев, С. В. Зубатов, А. В. Герасимов, Г. П. Судейкин, Е. К. Климович, Ерин, Беклемишев. Прделанная специалистами Особого отдела работа нашла свое воплощение в положениях об охранным отделении и районном охранным отделении, а также в инструкциях по ведению розыска, которых до этого времени не существовало.

В практической деятельности органов политического розыска в этот период как никогда ранее исключительно важное значение стала играть агентура. С приходом нового поколения руководителей политического розыска впервые в истории российских спецслужб работа с негласными сотрудниками приобрела систематический характер и была поставлена профессионально. Именно сотрудники Особого отдела и охранных отделений пришли к пониманию роли агентуры как основного средства в решении задач политического розыска, сформулировали основные принципы работы с ней.

Разработанная в 1907 году в Особом отделе Департамента полиции «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» явилась по существу первым в истории Российского государства подобного рода нормативным актом. Инструкция послужила фундаментом, отправной точкой для разработки последующих аналогичных документов. Многие ее положения звучат весьма актуально даже применительно

к современной оперативно-розыскной деятельности. В Инструкции детально раскрыты задачи, решаемые с помощью агентуры, вопросы подбора, проверки, вербовки секретных сотрудников, работы с ними (по терминологии того времени «ведения агентуры»), реализации агентурных данных. Она сохраняла сложившееся деление агентуры на три основных вида. Особое внимание уделялось конспирации и сохранению в тайне личности негласного сотрудника¹.

Примерно в этот же период в Особом отделе и в некоторых местных охранных отделениях появляются инструкции об организации наружного наблюдения. Согласно взглядам С. В. Зубатова и других руководителей политического розыска, агенты наружного наблюдения (филеры) необходимы были для дальнейшей разработки данных, поступивших от агентуры внутренней, то есть наружное наблюдение являлось как бы вторым этапом оперативной разработки конкретных лиц или революционных организаций. Наблюдая за своими объектами на улицах, в общественных местах, филеры выясняли их связи, места встреч, фиксировали конкретные противоправные действия. Тактика ведения наружного наблюдения постепенно совершенствовалась. Чтобы повысить подвижность наблюдения, были заведены собственные выезды, филеры научились приспосабливаться к обстоятельствам, выдавать себя за лиц других профессий. Особенно громкой славой пользовался «летучий отряд» Е. Медникова при Московском охранным отделении, который разъезжал по всей территории России, выполняя наиболее сложные задания.

Когда в результате усиления иностранного военного шпионажа в России встал вопрос о создании специальных органов контрразведки, многое при их образовании было позаимствовано из опыта работы политической полиции². Это относится и к структурному построению подразделений военной контрразведки, и к используемому контрразведкой арсеналу специальных средств. Следует напомнить, что первое специальное контрразведывательное подразделение — «разведочное отделение» — было создано в 1903 году, а в 1911 году была развернута целая система органов военной контрразведки при штабах военных округов. По своей организационной форме они, аналогично органам политического розыска, представляли собой отделения. Руководителями созданных контрразведывательных отделений были на-

значены по договоренности с МВД прикомандированные жандармские офицеры, что, видимо, следует признать правильным, так как к моменту образования контрразведки они полностью освоили основные формы и методы ведения оперативно-розыскной работы. Кроме того, до создания военной контрразведки контрразведывательные задачи в той или иной степени приходилось решать именно органам политического розыска.

Агентурной работой в контрразведывательных отделениях занимались преимущественно начальник КРО, его помощник и чины для поручений. Но специфика контрразведывательной деятельности предопределила несколько иное деление агентурного аппарата на виды. В отличие от охранных отделений военная контрразведка согласно «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений» (1911 год) выделяла «штабную» и «консульскую» агентуру.

«Консульская» агентура приобреталась, как правило, среди обслуживающего персонала иностранных дипломатических представительств³. Что касается «штабной» агентуры, то она вербовалась в основном из числа гражданских лиц, работавших в военных штабах и учреждениях. Вербовка военнослужащих, особенно офицерского состава, допускалась лишь в исключительных случаях. Вместе с тем практика работы контрразведывательных отделений свидетельствует, что достаточно часто военные контрразведчики прибегали к вербовке солдат и унтер-офицеров, проходивших службу в штабах в качестве писарей. «Консульская» агентура была призвана обеспечить выявление разведчиков среди сотрудников иностранных посольств и консульств, а также контроль за их действиями. «Штабная» агентура направлялась на предотвращение утечки к противнику военных и иных секретов. Позднее, в годы Первой мировой войны, военная контрразведка приобрела опыт работы с такой специфической категорией агентуры, как агенты-двойники.

Февральская революция, а затем события октября 1917 года привели к ликвидации прежних органов политической полиции и почти полному свертыванию системы военной контрразведки. Многие сотрудники политической полиции эмигрировали или были привлечены к уголовной ответственности, часть из них оказалась среди активных участников белого движения. Примерно та же картина была характерна для бывших военных контрразведчиков.

Вместе с тем накопленный ими опыт работы с различными категориями агентуры, организации наружного наблюдения оказался вновь востребованным через достаточно короткий промежуток времени. Уже летом 1918 года на I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий ряд нормативных актов прежних спецслужб был поднят из архива, несколько переработан и рекомендован для использования чекистами. И если была нарушена преемственность в кадровом составе спецслужб, то этого никак нельзя сказать об организации оперативно-розыскной деятельности и использовании специальных сил и средств.

В целом, подводя краткие итоги рассмотрения вопроса о возникновении и развитии специальных сил и средств отечественных спецслужб, следует отметить, что огромное влияние на совершенствование работы с агентурой и развитие наружного наблюдения оказало российское общественное и революционное движение. Возникновение агентурных методов работы внутри страны в деятельности отечественных спецслужб относится к началу XIX века, однако собственно агентура начинает использоваться лишь со второй четверти прошлого столетия III-м Отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Окончательное становление агентуры и наружного наблюдения происходит в практике работы охранных отделений и губернских жандармских управлений на рубеже конца XIX — начала XX веков. Созданная в дореволюционной России военная контрразведка творчески использовала накопленный политической полицией опыт оперативной работы и с учетом специфики контрразведывательной деятельности внесла в него необходимые изменения и дополнения. Основные принципы агентурной работы и применения наружного наблюдения, отработанные спецслужбами самодержавной России, оказали огромное влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в советский период истории отечественных спецслужб.

¹ Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками / публикация З. И. Перегудовой. СПб., 1992. С. 2.

² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 6. Д. 31. Л. 10–31.

³ Там же. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 314. Л. 1.

ИЗ ИСТОРИИ “ЧЕРНЫХ КАБИНЕТОВ” В РОССИИ

В тесной связи с перлюстрацией (лат. — обозрение — вскрытие писем без ведома пишущих) оказалось выражение “черный кабинет”, возникновение которого относят к 1628 году, когда кардинал Ришелье велел создать в помещении парижского почтамта специальную комнату для тайного просмотра писем. Конспиративное существование перлюстрации на основе секретных циркуляров, закрытость источников, нежелание властей вообще упоминать о ней обусловили неисследованность сюжетов о государственном регулировании деятельности “черных кабинетов”, организации их работы, личном составе, соучастии чиновников почтово-телеграфных служб, финансовом обеспечении.

Перлюстрация отличается от военной цензуры, ибо введение последней сопровождается информированием населения страны. Перлюстрация же существует конспиративно и нарушает офофициальное законодательство. Например, в XIX веке статья 458 Устава почт указывала, что требование о вскрытии писем может исходить только от суда, а статья 1104 Уложения о наказаниях грозила почтовому чиновнику за распечатание чужого письма удалением от должности, за сообщение же кому-либо содержания письма — тюремным заключением на срок от четырех до восьми месяцев. Устав почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи СССР, принятый в декабре 1929 года, определял “тайну корреспондируемых лиц” и гласил: “Служащим связи общего пользования и специального назначения воспрещается нарушать означенную тайну, а также давать посторонним лицам какие-либо сведения о том, кем и кому корреспонденция подана или кем и от кого получена. За нарушение правил настоящей статьи служащие связи несут уголовную ответственность в порядке, устанавливаемом законодательством союзных республик”. Формально, с точки зрения закона, слу-

жащие перлюстрационных органов и их помощники подлежали уголовному или административному преследованию. На деле же секретные инструкции, обеспечивающие “интересы государства”, оказывались выше законов.

В России существование перлюстрации обнаруживается уже при Петре I в деле царевича Алексея и принимает достаточно широкий размах при Елизавете Петровне и Екатерине II, став важным орудием дипломатической и политической борьбы. Расширение круга лиц, чья переписка подлежала просмотру, стремление властей иметь надежную информацию о настроениях в обществе требовало более четкой организации соответствующего аппарата. 18 апреля 1794 года Екатерина II секретным указом учредила службу перлюстрации, которую выполняли прежде всего чиновники Санкт-Петербургского почтамта и Рижской почтовой канторы. Главный директор почт граф А. А. Безбородко 25 июня 1795 года предписывал почт-директору Литвы А. М. Милорадовичу учредить “в губернских городах Минске и Изяславле секретные Экспедиции”; для этого к Милорадовичу были отправлены “четыре чиновника, знающие искусство перлюстрации” и дана одна из первых инструкций¹. В ней были определены основные составляющие процесса перлюстрации: вскрытие писем, снятие копий или краткое изложение содержания с указанием выдержек (экстракт), направление их по принадлежности и важности губернаторам, генерал-губернаторам и императрице. Был очерчен примерный круг интересующих тем: контрабанда, уголовные и политические преступления. С этого времени порядок перлюстрации регулировался тайными инструкциями.

После вступления на престол Александра I и наступления политической “оттепели” главный директор почт Д. П. Трошинский сообщил московскому почт-директору Ф. П. Ключареву распоряжение государя о неприкосновенности внутренней корреспонденции, “а что лежит до внешней переписки, в перлюстрации оной поступать по прежним предписаниям и правилам без отмены”². Но государственная жизнь брала свое, и секретный указ императора от 5 декабря 1803 года требовал “иметь крайнее наблюдение за корреспонденцией, приходящей из-за границы в польские наши провинции: и из оных за границу отправляющиеся не только в самом литовском почтамте, но и в некоторых пограничных городах... в Гродно, Брест-Литовском и Радзивилове”³.

Количество перлюстрационных пунктов росло. Были забыты либеральные указания прекратить перлюстрацию писем внутри империи. Министр внутренних дел О. П. Козодавлев в 1813 году обязывал управляющего московским почтамтом Д. П. Рунича не только внимательно изучать переписку лиц, указанных из столицы, но и проявлять в этом деле собственную инициативу. Инструкции требовали производить перлюстрацию "самым секретным образом, не подавая даже вида, чтобы она существовала... Надобно, чтобы никто не боялся сообщать через почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны"⁴. Впрочем, о существовании перлюстрации достаточно хорошо было известно многим из тех, чьей перепиской интересовалось правительство. В российском образованном обществе нарицательным стало имя московского почт-директора А. Я. Булгакова, занимавшегося перлюстрацией не только по долгу службы, но и из любви к оной.

В 1829 году численность "чиновников, по секретной части употребляемых" составляла 33 человека, в том числе в Петербурге — 17, в Москве — 8, в Вильно — 4, в Tobольске — 4 человека. Чиновники получали жалованье "по гласным своим должностям" и из секретных сумм, отпускаемых на перлюстрацию. Руководить перлюстрацией должен был директор почтового департамента⁵. Перлюстрация дипломатических депеш оставалась в ведение министра иностранных дел.

В последующие годы дело перлюстраций все более сосредотачивалось в одних руках. После передачи в 1881 году почтового ведомства в состав Министерства внутренних дел служба перлюстрации окончательно перешла в прямое подчинение министру. Одновременно шел процесс расширения контроля над частной перепиской. По ходатайству министра внутренних дел А. Е. Тимашева 3 января 1876 года Александр II в связи с необходимостью "в быстром и своевременном задержании на почте корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера" разрешил главноуправляющему III-м Отделением указывать лиц, за перепискою которых "иметь в перлюстрационных пунктах самое строгое секретное наблюдение", а выписки сообщать через министра внутренних дел. Сведения "о подозрительных телеграфных сношениях" следовало собирать через директора телеграфов от начальников станций "без объяснения причин"⁶.

Все это требовало значительных расходов. До 1894 года "на секретные расходы по почтовой части" отпускалось 107 тысяч рублей в год, а к ноябрю 1915 года общие учтенные расходы на перлюстрацию составляли более 163 тысяч⁷. Чиновники, занимавшиеся перлюстрацией, официально состояли на службе в цензуре иностранных газет и журналов, которая с 23 мая 1886 года вошла в состав Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел⁸. Общее руководство перлюстрационной работой в империи осуществлял старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, который формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и напрямую подчинялся министру внутренних дел. Эту должность с 1876 по 1891 год занимал К. К. Вейсман, имевший к концу службы чин тайного советника. Его сменил А. Д. Фомин, вышедший в отставку в 1914 году в чине действительного тайного советника; с сентября того же года должность занимал тайный советник М. Г. Мардарьев.

При зачислении на службу перлюстрации решающую роль играли два обстоятельства: знание иностранных языков и политическая благонадежность кандидата на должность. В одной из докладных записок отмечается, что "для службы по цензуре... и по Особой части при ней знание хотя бы трех европейских языков необходимо". Среди цензоров были настоящие полиглоты. Особенно выделялся служивший в почтовой цензуре с апреля 1892 года по декабрь 1911 В. И. Кривош. Он писал: "Я владею французским, немецким, английским, итальянским, шведским, мадьярским, румынским, армянским, всеми славянскими, волянюк и эсперанто языками, читаю стенограммы всех главнейших стенографических систем на разных языках". В другом документе он сообщал о владении 24-мя языками⁹.

О роли политической благонадежности в докладе министра внутренних дел И. Н. Дурново Николаю II в январе 1895 года говорилось: "Производство перлюстрации... поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно известны: безграничная преданность особе Государя императора и Отечеству, полное беспристрастие, постоянная готовность к труду, нравственность, скромность и умственное развитие, словом, качества, дающие им право на неограниченное доверие". Поэтому к кандидатам внимательно присматривались. Даже прием в цензуру иностранных газет и журналов не означал немед-

ленного допуска к "Особой части", т. е. к перлюстрации. Например, М. Г. Мардарьев говорил, что лишь после трехлетней службе в цензуре он "снискал к себе полное доверие... и ...принял участие в особом секретном отделе цензуры, занимавшемся перлюстрацией. ...Я, как и все другие вновь поступавшие, дал клятву Вейсману хранить в совершенной тайне все мне известное о перлюстрации"¹⁰. Участие в перлюстрации лишь через несколько лет службы в цензуре и принесение особой присяги подтвердили на допросах в разное время цензоры К. Ф. Зиверт, Ф. Г. Тизенгаузен, В. М. Яблочков¹¹.

К 1913 году перлюстрационные пункты под видом "цензуры иностранных газет и журналов" существовали в Варшаве, Киеве, Москве, Одессе, Санкт-Петербурге, Харькове и, на сугубо секретном положении, в Тифлисе. Общее число чиновников-перлюстраторов составляло 45 человек¹². Официальное жалование чиновников "черных кабинетов" было сравнительно небольшим — от 450 до 1860 рублей в год, но дополнялось выдачами из секретных сумм. Кроме положенных наградных на Рождество и Пасху, выдавались деньги на лечение, за "усиленную работу", за открытие "важных сведений" и т. п. Поэтому можно поверить словам Ф. Г. Тизенгаузена, что "заинтересованность в работе была большая"¹³. Подобным же образом обстояло и дело с пенсиями.

До начала XX века чиновники службы перлюстрации сами отбирали письма и проводили с ними всю последующую работу. Примерно с 1902 года к отбору писем стали привлекать служащих почтамта, с которых тоже брались подписки о неразглашении. По данным на ноябрь 1915 года, таких косвенных участников по всем перлюстрационным пунктам насчитывалось 60 человек¹⁴. Эти данные не исчерпывающие. На местах руководители жандармских органов широко привлекали к сотрудничеству почтово-телеграфных служащих, о чем можно судить по косвенным данным — сообщениям жандармерии, просьбам о поощрении тех или иных чиновников почт и телеграфов.

Таким образом, перлюстрация, начинавшаяся как средство получения дипломатической и разведывательной информации, к началу XX века выполняла прежде всего задачи политического контроля, во вторую очередь — задачи политического сыска, и лишь затем — получения дипломатической и разведывательной информации. Поскольку общий объем получаемой информации оставался сравнительно небольшим (в 1882 году было сде-

лено 3600 выписок, в 1900 году — 5481, в 1905 году — 10182, в 1907 году — 14221, в 1911 году — 6885), то наблюдение шло за перепиской сравнительно узкого слоя прежде всего высших и интеллигентных слоев общества¹⁵. На совещании 28 февраля 1913 года отмечалась слабость перлюстрации и предлагалось подчинить "черные кабинеты" Департаменту полиции, резко расширить сеть перлюстрационных пунктов. Но, судя по имеющимся материалам, никаких серьезных изменений не произошло.

После Февраля многолетние профессионалы перлюстрации — цензоры иностранных газет и журналов — приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 года были с 16 марта оставлены "за штатом", а сама цензура упразднена. Сохранялась лишь военная цензура, учрежденная 20 июля 1914 года. Но уже в 1918 году перлюстрация вновь стала одним из важных каналов формировавшейся системы политического контроля большевистского государства¹⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 111–112.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 110.

⁵ Там же. Л. 117–118.

⁶ Там же. Л. 122.

⁷ Там же. Л. 125; Д. 1000. Л. 100; Д. 1001. Л. 110.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 303. Л. 2–3.

⁹ Там же. Ф. 779. Оп. 2. Д. 607. Л. 1; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 93; Д. 1003. Л. 25.

¹⁰ Там же. Д. 1000. Л. 43–44.

¹¹ Там же. Д. 1001. Л. 125–126; Д. 1002. Л. 4; Архив управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБЛО). Д. II-74440. Л. 107–108.

¹² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 44–45; Д. 1001. Л. 37, 40, 105; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 2–3, 43.

¹³ Там же. Д. 303, 389, 524, 725, 901, 968, 1073, 1113, 1712, 1714, 1792, 2035, 2185, 2315, 2454, 2874, 3085, 4268; Оп. 5 Д. 4839, 5122, 5334, 5409, 5415, 5488, 5501, 5638; АУФСБЛО. Д. II-74440. Л. 107; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 45, 100; Д. 1001. Л. 16, 97–98, 101, 109, 114, 126; Д. 1002. Л. 4–5, 92.

¹⁴ Там же. Д. 1001. Л. 110.

¹⁵ Там же. Л. 87.

¹⁶ Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35.

РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТИВНИК ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА

В практике спецслужб используется термин “оперативная обстановка”. Одним из её элементов является среда, в которой действуют органы безопасности. Теоретически, при верной оценке тенденций развития социальной среды, можно, приняв соответствующие меры, предотвратить общественные потрясения. Для “предупреждения преступлений” (а именно так формулировалась в руководящих документах одна из главных задач политической полиции Российской империи), органы безопасности должны достоверно знать, с кем они могут столкнуться, ясно представлять условия жизни, стиль мышления, круг идей и мотивы действий своего реального или потенциального противника — весь спектр социально-психологических проблем существования объекта наблюдения. При изучении среды, которая породила самого опасного противника политической полиции Российской империи — революционную интеллигенцию, надо обратиться к истокам, к переломным шестидесятым, вызвавшим к жизни разночинца, и постараться понять, что сделало его революционером.

Сбором и анализом интересующей нас информации занималась в ту пору одна из экспедиций III-го Отделения. На неё было возложено “негласное наблюдение за политическими настроениями во всех слоях общества”. Наблюдение это “осуществлялось через чинов Корпуса жандармов”, внутренняя агентура оставалась неразвитой, перлюстрация не могла уследить за состоянием умов огромной массы разночинцев, по своему общественному положению “наименее заинтересованных в охране существующего государственного порядка”¹. В первое пореформенное десятилетие суждения политической полиции об интеллигенции были довольно поверхностными.

Результаты деятельности III-го Отделения находили отражение в ежегодных отчетах. Например, в отчете за 1869 год

особое внимание уделялось студенческому движению, трезво оценивались различные его течения, попытки манипулировать этой средой со стороны “политических агитаторов”, вроде Сергея Нечаева, то бедственное положение студенчества, в результате которого “у нас образуется нечто худшее ученого пролетариата... — недоучившийся пролетариат, при самом вступлении в жизнь носящий уже в себе зародыши ненависти к существующему государственному и общественному порядку”. Одновременно утверждалось, что пропаганда “огня, ножа, петли”, пропихиваемая “в разных воззваниях” из-за границы, не сможет найти аудиторию — “против неё правительство и общество достаточно вооружены, для неё нет почвы в России”². Проявления экстремизма как и все революционное движение, признавались привнесенными извне, неорганичными, а сами революционеры представлялись мальчишками, начитавшимися западных утопий. Это верно, но лишь отчасти. Анализ коллективной психологии разночинной интеллигенции дает несколько иные результаты.

Преобразования 60-х несли возможность раскрепощения человеческой личности, но их подготовка и проведение вызвали глубокую неудовлетворенность в различных слоях русского общества и особенно в среде молодого поколения разночинной интеллигенции, стремившейся “жить и действовать в видах общечеловеческой пользы”. Помимо общей непоследовательности правительственного курса, недовольство вызывало и то, что в проведении реформ власть стремилась действовать испытанным способом, отдавая распоряжения сверху и ожидая снизу отчет об исполнении, не предполагая никакого “сотворчества” со стороны общества. Энтузиазм тех, кто хотел сыграть свою роль в обновлении России, потрудиться на благо освобожденного народа, оставался невостребованным, инициатива — наказуемой.

В таком положении оказалась масса разночинной молодежи, которая с отменной оговоркой ограничения числа студентов в высших учебных заведениях “бросилась в университеты”: из низов — за лучшей долей, которую надеялись обрести с получением образования, из всех сословий — за светом новых идей. В этом смешении разнообразных социальных пластов и рождалась та разночинная интеллигенция, которая часто бывала не у дел не только потому, что не находила поприща, соответствующего своим взглядам на общественное служение, но и потому, что потребности страны не могли поглотить весь образованный пролетариат.

“Безместность” огромной толпы разночинцев, означавшая для большинства из них полутождественное существование и крушение надежд на изменение личной судьбы — не только решения вопроса о хлебе насущном, но и удовлетворения социальных претензий и духовных запросов “критически мыслящей личности” — вызывала горькую досаду на образованное общество, членами которого они так хотели стать, и отчаяние, которое только увеличивалось с интеллектуальным развитием, отрезавшим все пути назад, к прозябанию своей среды. В результате разночинец и по своему материальному положению, и по своим идеальным устремлениям ощущал и “мыслил себя в противоречии со всем укладом, со всеми путями и настроениями предшествующей эпохи”³, ассоциирующейся у него со всем традиционным обществом, в отрицании которого созревал нигилизм.

При всем пафосе отрицания нигилисты жаждали обновления. “Рационально-атеистическое мировоззрение русской интеллигенции есть вера, — писал С. Н. Булгаков, — вера в научность, в рационализм”⁴. И так же, как религиозные подвижники ждали мгновенного изменения лика Земли с пришествием Царствия Божия, так и нигилисты верили в осуществление — по последнему слову европейской научной мысли — царства труда и справедливости с помощью социальной революции, которая воспринималась как одномоментный акт, несущий немедленные радикальные перемены.

Будущее молодые поборники прогресса представляли себе довольно смутно. Многие из тех, кто почерпнул “первые понятия о социализме” из романа Чернышевского “Что делать?”, признавались, что были не в состоянии объяснить “значения слова социализм”. Слушатель Петровской Академии Федор Лапкин, привлекавшийся к следствию по делу Каракозова, говорил: “Я полагал только, что наше дело — расчистить дорогу, а там явятся люди, которые создадут царство социализма”⁵. В связи с этой фразой на ум приходят не только речи тургеневского Базарова или воззвания Сергея Нечаева, но и предположение о том, что гораздо сильнее, чем туманный образ будущего общества, революционеров-разночинцев привлекал сам процесс борьбы с “отживающим миром” в настоящем. Они рвались к делу и видели себя “строителями судеб мира”. Противоречие высочайшей самооценки и социальной неприкаянности порождало истинно разночинское — деклассированное, по сути,

элемента — желание перевернуть всё вверх дном, чтобы “кто был ничем — стал всем”. Стремление к подобному преобразованию действительности было чрезвычайно созвучно мировосприятию молодого поколения интеллигенции 60-х.

Ярким примером “практического нигилизма” может послужить деятельность кружка вольнослушателя Московского университета Николая Ишутина. В 1863 году молодые люди, в основном студенты, составили общество взаимного вспомоществования, артельные переплетную и швейную мастерские, строили планы создания общества переводчиков и переводчиц — словом, пытались претворить в жизнь различные “ассоциации” (по Чернышевскому) для пропаганды делом “социальных идей”. Но в жизни всё обстояло сложнее, чем в романе “Что делать?”. Трудности подтачивали начинания ишутинцев. В кружке нарастала неудовлетворенность мирной деятельностью пропагандистов новых идей. В конце 1865 года Ишутин уже говорил своим товарищам: “То, что мы делали до сих пор, все это не есть дело, господа, по моему мнению, лучше — паф-паф...”⁶.

Чем очевидней были препятствия, возникавшие на пути последователей Веры Павловны, тем привлекательней становился таинственный революционер Рахметов. А те, кто в силу своего темперамента и раньше тяготели к этому образу, переходили от руководства артельными мастерскими к подпольной деятельности с более радикальными задачами. Так возник, вероятно в начале 1866 года, и ишутинский “Ад” — строго законспирированный кружок “бессмертных” (или “мортусов”), которые должны были выполнять двойную функцию — осуществлять контроль за деятельностью революционеров и антиправительственный террор. Строго говоря, “Ад” не стал организационно оформленным обществом с программой и уставом, но планов и разговоров хватало с лихвой. Целью объявлялся социальный переворот, понимаемый довольно расплывчато, средством избирался террор — “систематические царевубийства” до тех пор, пока напуганное правительство не согласится “устроить государство на социальных началах”, в противном случае следовало “произвести революцию” путем возбуждения “народных страстей”⁷.

Во всех этих горячих, если не сказать горячечных, мечтах безусловно присутствует элемент игры — игры “ума, привыкшего, — по словам члена “Ада” Дмитрия Юрасова, — за неимением дела, к фантастическим вымыслам”, игры в “конспира-

ции" молодых людей, которые не находили применения своей бьющей через край энергии. Искать самозабвения в игре вынуждала их пустота и безрадостность полуголодной студенческой жизни, явная невозможность реализовать свои идеалы в обозримом будущем. Участники этой опасной игры были в разной степени захвачены ею. Кто-то считал планы "Ада" пустой болтовней, другие, как например Каракозов, могли совершенно войти в роль.

От выбора социальной роли зависит стереотип поведения человека, поэтому важно знать, каким представляли себе молодые разночинцы настоящего революционера. Вопрос о прообразах требует особого разговора. Но на каких бы реальных или литературных героев не ориентировались ишутинцы, прежде всего — это люди, целиком посвятившие себя служению делу, не имеющие права на личную жизнь, человеческие чувства и привязанности. "Мортусам" прямо вменялось в обязанность "бросить все личные связи и жить одной целью". "Бессмертные" настаивали на подобном самопожертвовании и со стороны рядовых своих товарищей. В показаниях Следственной комиссии Вячеслав Шаганов с горечью вспоминает, сколько упреков и насмешек ему пришлось претерпеть от "посвященных" — Ермолова, Страндена и Ишутина, которые "прямо требовали", — говорит он, — чтобы я не смел жениться на девушке, которую я люблю и чтобы совсем оставил ее, а то это измена делу..." Осуждали они его и за то, что он "бегал по делам отца", говоря, что это он должен бросить, "да и на отца плюнуть". Виктор Федосеев собирался своего отца отравить, чтобы предоставить наследство в распоряжение организации⁸.

Но самое потрясающее свидетельство тревог и сомнений разночинца 60-х, претендующего на звание "нового человека", дают письма Леонида Оболенского, служившего секретарем Козельской земской управы, к одному из активнейших членов ишутинского кружка Дмитрию Юрасову. Юрасов, как это следует из писем, считал семейные отношения и особенно воспитание детей серьезной помехой общественному служению. Встретив в Москве жену Леонида Оболенского Елизавету, у которой недавно родился ребенок, Юрасов решил уговорить её не возвращаться к мужу в Козельск. Причем наиболее интересно и показательно даже не то, что это посягательство на семейное счастье было небезрезультатным, а то, что Оболенский вынуж-

ден был еще и оправдываться перед общественным мнением своей среды за то, что любит жену и ребенка, и доказывать, что это не делает его подлецом, жертвующим принципом ради страсти⁹. В этой истории проявилось довольно распространенное в кругах революционной интеллигенции противоречие между любовью к абстрактному человечеству и невниманием к конкретным его представителям, которое впоследствии привело к опаснейшим издержкам "социальной арифметики".

В основе мировоззрения и мировоздействия "мыслящих реалистов" лежала теория рационализма и утилитаризма, согласно которой категория добра теряет своё самостоятельное значение — благо есть то, что разумно и полезно. Каракозов считал разумным и полезным устранение Александра II, так как, во-первых, мирные попытки распространения социалистических идей представлялись ему абсолютно бесплодными в российских условиях, во-вторых, покушение на царя, обманувшего ожидания крестьян, могло бы стать важным актом "пропаганды делом", чтобы, как говорил Ишутин, "расшевелить заснувший народ" и, в-третьих, Каракозов видел в этом самоубийственном поступке "личный исход", возможность "умереть не даром", положив свою жизнь на алтарь народной пользы¹⁰. С точки зрения "новой нравственности" революционной интеллигенции индивидуальный террор рассматривался как великий подвиг самопожертвования, "тираны и сатрапы" как жертвы не воспринимались — это не живые люди, это некое абстрактное препятствие на пути к свободе.

В среде разночинной интеллигенции пореформенного периода сформировался особый тип личности. "Новые люди" отличались от окружающих своей системой ценностей, которая не оставляла им места в обыденной жизни, превращая в "отщепенцев" от традиционного общества. Тем, кто ставил перед собой грандиозную задачу радикального обновления России, тесны были рамки повседневности. Социально-политическая действительность России второй половины XIX века загоняла их в подполье, хотя именно в первые годы после Великой реформы существовала реальная возможность направить энергию разночинной молодежи в мирное русло.

Помочь правительству адекватно реагировать на общественную активность "мыслящих реалистов" и было призвано III-е Отделение. Если бы оно оказалось в состоянии справиться с

этой задачей, Россия избежала бы многих революционных эксцессов. Но в истории сослагательное наклонение не применимо. Мы вовсе не обвиняем политическую полицию Российской империи в недосмотре. Важнейшей проблемой органов безопасности является грамотный социальный прогноз, чтобы можно было предотвращать развитие определенных тенденций, а не бороться с его результатами, что особенно важно в эпохи смут и общественной нестабильности. Одна из представительниц разноточинной интеллигенции 60-х сказала: "Правительства, не желающие иметь в числе своих подданных террористов, должны заботиться о том, чтобы среди них не было людей, которым нечего терять"¹¹.

¹ Органы политического розыска, разведки и контрразведки царской России и их агентура: Сборник документов / Под ред. Н. Зуева. М., 1957. С. 57, 497.

² Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 116.

³ Соловьев (Андреевич) Е. А. Опыт философии русской литературы. Собр. соч. Казань, 1922. Т. 1. С. 152.

⁴ Булгаков С. Н. Религия человекобожия в русской революции // Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 110.

⁵ Покушение Каракозова: Стенографический отчет. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 101; ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 264; Д. 16. Л. 168; Д. 19. Л. 132, 168; Д. 20. Л. 25.

⁶ Покушение Каракозова: Стенографический отчет. М.; Л. 1928. С. 88, 196.

⁷ Там же. С. 177; Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 119.

⁸ ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 115, 245, 328; Д. 19. Л. 84.

⁹ Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 13. Л. 436; Плод революционной страсти // Родина. 1996. № 1.

¹⁰ Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С. 94, 111, 113–114, 120; ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 11. Л. 193, 230; Д. 12. Л. 21, 120;

¹¹ Козлинина Е. И. За полвека. М., 1913. С. 78.

З. И. ПЕРЕГУДОВА,

кандидат исторических наук.

Государственный архив Российской Федерации

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА (1902–1917 ГОДЫ)

Использование секретной агентуры в общественном и революционном движении было одним из важнейших средств российской полиции в борьбе с теми, кто покушался на устои самодержавия. Политическая полиция придавала огромное значение приобретению, использованию и сохранению секретной агентуры. Однако, по сравнению с организацией службы наружного наблюдения, постановка службы внутреннего наблюдения отличалась значительно большей сложностью. Может быть, отчасти поэтому вплоть до возникновения массового революционного движения ведущее место в политическом сыске играла служба наружного наблюдения и перлюстрация.

Появление на рубеже веков и особенно в период первой русской революции влиятельных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций потребовало от полиции перенести главный акцент своей деятельности на службу внутреннего наблюдения.

И нет ничего удивительного в том, что наиболее дальновидные представители политического сыска, хорошо знавшие революционную среду и революционное движение, а именно начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов, заведующий заграничной агентурой П. И. Рачковский, сотрудник Московского охранного отделения, а затем Департамента полиции Г. М. Трутков считали необходимым обратить особое внимание на развитие секретной агентуры. В своих донесениях и записках они указывали на сложность получения информации от околупартийной среды в силу конспиративности партийных организаций.

П. И. Рачковский в записке "Об условиях деятельности русской политической полиции"¹, составленной в 1902 году, отводил секретной агентуре "первенствующее место", считая,

что при правильной постановке она будет не только сообщать то, что происходит в революционных организациях, но и “влиять на них в желательном смысле”. Он доказывал, что “во всех смыслах” это важное и нужное дело, что и при производстве дознаний результаты будут более продуктивными, когда дело “внутренней агентуры станет на надлежащую высоту”. Доказывая необходимость предлагаемых мер, он говорил, что надо немедленно приступить к “правильной организации внутренней агентуры, чтобы этим способом учредить рациональный и вполне достигающий своей цели надзор за всеми оппозиционными элементами в столицах и во всех выдающихся культурных центрах империи”. “Таким образом, — подытоживал он, — Департамент полиции будет получать точные и всесторонние сведения о положении революционного движения из всех пунктов, и розыскная деятельность не будет основана только на удаче, как до сих пор, но приобретет строгую систему...”.

В сентябре 1903 года обоснованию этой же идеи была посвящена докладная записка другого видного, но менее известного деятеля политического сыска царской России Г. М. Труткова. В ней он писал о необходимости “создания такой системы борьбы с противоправительственным течением, при которой энергия и продуктивность работы органов политического сыска могла бы подняться не только до уровня выставляемого противоправительственным движением, но и встать выше этого уровня”².

Безусловно, секретной агентурой пользовались давно, и она имеет свою историю. Но в новых условиях возрастала ее значимость, менялись подходы к ней, требовалась детально разработанная единообразная методика. Губернские жандармские управления, которые по своему служебному долгу обязаны были работать с секретной агентурой, часто пренебрегали ею. Во всяком случае, проводимые ревизии довольно часто констатировали, что работа губернских жандармских управлений по политическому сыску находилась не на должном уровне. Офицеры ГЖУ больше уделяли внимание “производству дознаний”, “производству переписок” и без особого желания относились к работе с секретной агентурой, смотрели на эту работу свысока, с пренебрежением. У некоторых офицеров не хватало не только желания, но не было и достаточного опыта.

13 августа 1902 года директор Департамента полиции А. А. Лопухин разослал циркулярное предписание начальникам гу-

бернских жандармских управлений, которым последние извещались о создании в некоторых городах России (Вильно, Ека-теринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове) особых розыскных пунктов³. Он мотивировал их создание тем, что за последние годы шло “развитие кружков, занимающихся пропагандой социал-демократических идей в рабочей среде, брожение среди учащейся молодежи и... наконец, возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян и устройству аграрных беспорядков”⁴.

В Положении о начальниках розыскных отделений, утвержденном днем ранее (12 августа 1902 года) министром внутренних дел В. Н. Плеве, указывалось: “На обязанности начальников отделений лежит приобретение секретных агентов, руководство их деятельностью, а также выбор и обучение наблюдательных агентов”⁵. Впоследствии часть из названных розыскных пунктов была преобразована в охранные отделения⁶, были созданы новые охранные отделения и розыскные пункты, некоторые из них были ликвидированы. Созданные “циркулярно”, не законодательным путем, они то исчезали, то появлялись в зависимости от политического положения в районе их деятельности.

Несколько позже, в 1904 году, было разработано “Временное положение об охранных отделениях”, в параграфе 8 которого говорилось: “Главнейшей обязанностью начальников отделений, в целях наилучшего обеспечения их служебной осведомленности, является приобретение секретных агентов и руководство таковыми, причем особое внимание должно быть обращено на то, чтобы они ни в коем случае не устраивали сами государственных преступлений”⁷.

Несмотря на принятые меры по усилению политического сыска и расширению числа охранных отделений, события революции 1905 года оказались для Департамента полиции и подведомственных ему учреждений неожиданными. Этот факт вынуждены были признать сами представители полицейских учреждений. В циркуляре Департамента полиции от 2 ноября 1905 года указывалось, что “чины местной администрации не были совершенно осведомлены о возможности возникновения беспорядков в районах их ведения и не знали, в какой именно форме

они могут в данной местности скорее всего проявиться, потому, будучи застигнуты врасплох, действовали без всякого определенного, заранее намеченного плана и не могли в полной мере использовать всех имевшихся в их распоряжении средств”⁸.

18 и 25 июля 1906 года циркулярно всем ГЖУ была разослана телеграмма, касающаяся приобретения секретной агентуры⁹. С января по июль 1906 года возросли расходы на секретную агентуру в 31 губернии России, что вылилось в цифру 69655 руб. 35 коп.

С 1907 года в системе политического сыска происходит еще одна реорганизация, в результате которой увеличилось число охранных отделений и были созданы совершенно новые учреждения политического сыска — районные охранные отделения. На первый случай их было восемь. Каждое из них объединяло в своем районе от 2 до 13 губерний и создавались они по районам действия партийных окружных комитетов. Это децентрализовало политический сыск, но делало более гибкой и оперативной работу на местах.

В циркуляре Департамента полиции от 4 октября 1907 года давались весьма специфические указания относительно способов приобретения сотрудников. “Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, начальники различных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремиться заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а в месте с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций”¹⁰.

Несмотря на все принимавшиеся меры, материалы Департамента полиции свидетельствуют о серьезнейших трудностях в приобретении секретных сотрудников. Это подтверждают, в частности, периодически проводившиеся Департаментом полиции ревизии охранных отделений и ГЖУ. Так, в отчете о ревизиях ряда губерний в 1907—1908 годах его автор ротмистр Васильев писал об инертности руководителей политического сыска, их неумелости, желании вести спокойную жизнь. В отчете говорилось: “Как оказалось, никакой секретной агентуры ни у начальника местного ГЖУ, ни у местной полиции совершенно не имеется. Полковник Ламзин объяснил, что, приняв управление около года тому назад, он не получил от предшественника своего ни одного

секретного сотрудника”. Автор говорит о том, что в губернии 2000 высланных, 500 человек в Вологде, но колония ссыльных “весьма сплоченная, строго законспирированная и заагентурить кого-либо просто невозможно”¹¹.

Серия разоблачений секретных сотрудников, особенно дело Азефа¹², публикации В. Л. Бурцева поставили органы политического сыска в довольно сложное положение. Член Центрального комитета, руководитель боевой группы эсеров, организатор многих террористических актов Азеф оказался многолетним секретным сотрудником Департамента полиции. Разоблачения нанесли определенный вред и делу политического розыска.

Ярким документом, характеризующим положение с розыском, явился циркуляр Департамента от 5 февраля 1909 года, в котором указывалось: “Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. Ввиду сего Департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями и предприятиями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие представляется необходимым. В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках ввиду раскрытия роли Азефа, надлежит указать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить втайне работу Азефа в течение 16 лет, и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства, и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников...”. В целях сохранения агентуры в циркуляре напоминалось о необходимости строго внушить сотрудникам недопустимость проявления ими инициативы в революционных предприятиях и о вовлечении ими в таковые своих единомышленников (имелась в виду тактика провокации).

Подводя итог сказанному о деятельности Департамента полиции по организации работы с секретной агентурой, следует констатировать, что политический сыск не развивался по восходящей линии, подъемы чередовались со спадами. Решающими факторами здесь являлись изменения в кадровом составе работ-

ников и политическая обстановка в стране и отдельных регионах. Этот вывод подтверждается запиской последнего заведующего Особым отделом Департамента полиции И. В. Васильева. Арестованный в марте 1917 года Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, он представил 21 марта в ЧСК записку, озаглавленную "О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей". Давая общую оценку деятельности Департамента полиции, Васильев писал: "Быть может, здесь уместно будет сказать, что дело политического розыска после революции 1906—1907 годов пришло в значительный упадок... Исключение составляет время заведывания Департаментом Трусевичем и Курловым... Окончательно розыск захирел благодаря отмене при генерале Джунковском агентуры в войсках, но с подъемом общественного движения в 1915—1917 годах... розыск "оживился" вследствие того, что движение происходило не при прежней конспиративной обстановке, вышло из подполья, каковое обстоятельство дало возможность даже мелкой агентуре быть в курсе течения событий". Несмотря на предвзятый характер некоторых оценок, содержащихся в записке в целом его выводы достаточно адекватны.

¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 1. Ч. 1. Л. 1—15.

² Там же. 1902. Д. 825. Л. 210.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 12; Ф. 102. ОО. 1902. Д. 825. Ч. 3. Л. 8.

⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 259. Л. 12.

⁸ Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революцией 1905—1907 гг. // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1982. С. 109—110.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906. Д. 32. Л. 99; Д. 342. Л. 67.

¹⁰ Там же. Ф. 280. 1911. Д. 500. Ч. 18; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 440. Л. 6.

¹¹ Там же. Ф. 280. 1910. Д. 5001. Л. 3.

¹² См. Письма Азефа 1893—1917 / Сост. Д. Б. Павлов, З. И. Перегудова. М., 1994. С. 14—129.

С. А. СТЕПАНОВ,

доктор исторических наук.

Российский независимый институт
социальных и национальных проблем

ПРОБЛЕМА ДВОЙНЫХ АГЕНТОВ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Перлюстрация, наружное наблюдение и внутренняя агентура являлись тремя китами, на которых строился политический розыск в конце XIX — начале XX века. При этом единственным вполне надежным средством, обеспечивавшим осведомленность розыскного органа, считалась внутренняя агентура. Секретных осведомителей имели охранные отделения, губернские жандармские управления и жандармские управления железных дорог. Департамент полиции руководил также заграничной агентурой.

Правила работы с секретными осведомителями были изложены в соответствующих циркулярах и инструкциях, в том числе в Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной при Московском охранном отделении¹. Осведомители подразделялись, во-первых, на агентов внутреннего наблюдения, или секретных сотрудников ("лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры"), во-вторых, на вспомогательных агентов ("лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии") и, в-третьих, на "штучников" ("лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление"). По поводу агентов последней категории указывалось: "В правильно поставленном деле последние — явление ненормальное и вообще "штучники" нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа".

Приобретение секретной агентуры являлось постоянной работой заведующего розыском и всех его помощников. Наиболее подходящими для склонения к работе по агентурной части считались “слабохарактерные революционеры, разочарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку”. Потенциальных агентов под благовидным предлогом приглашали к жандармским офицерам и проводили с ними доверительную беседу. В некоторых случаях, как указывала инструкция, “лицо, назначенное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском. Способ этот наиболее применим тогда, когда имеются в наличии достаточные улики для задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать”. Чаше всего осведомители приобретались жандармами во время производства дознания или следствия. Использовался способ подсадки агентов в камеры для склонения к сотрудничеству. Завербованных революционеров освобождали из-под стражи.

Руководил агентом завербовавший его жандармский офицер или служащий охранного отделения. Встречи происходили на конспиративных квартирах. Секретному сотруднику присваивался псевдоним. Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов учил своих подчиненных: “Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму”

Среди секретных агентов встречались люди, сотрудничавшие бескорыстно. Переводчица и журналистка А. И. Серебрякова, с которой дружили видные социал-демократы, добровольно осведомляла полицию в течение 24 лет. Но подавляющее большинство агентов служили за деньги. Самое большое ежемесячное содержание за всю историю агентурной службы — 3,5 тысячи франков (выше, чем жалование директора Департамента полиции) получала М. А. Загорская, освещавшая деятельность эсеров за границей. В среднем же плата за агентурную работу колебалась от 75 до 150 руб в месяц — деньги по тем временам неплохие, но с учетом смертельной опасности, ежеминутно гро-

зившей осведомителю, достаточно скромные. Кроме того, официальный статус секретных агентов был очень шатким. Они назывались “сотрудниками”, но это отнюдь не означало, что они являлись государственными служащими. В этом смысле агенты наружного наблюдения — филеры, состоявшие из служащих охранных отделений и унтер-офицеров корпуса жандармов, имели гораздо более прочное положение. В отличие от них секретные агенты не получали наград и не могли рассчитывать на пенсию.

Вопрос о численности секретных агентов в России всегда вызывал разногласия. Называлась цифра в 30–40 тысяч человек², другие исследователи уменьшали ее до 26 тысяч³ или даже до нескольких тысяч⁴. По всей видимости, во всей империи было не более 1,5–2 тысяч секретных агентов. Эти данные не противоречат свидетельствам руководителям политическим розыском по отдельным местностям (в крупных городах обычно имелось от 10 до 20 агентов, в Петербурге — 200, в Москве — 160), а также совпадают с подсчетами, произведенными З. И. Перегудовой по картотеке Департамента полиции.

Не подлежит сомнению, что секретная агентура была внедрена практически во все общественные организации и политические партии. Однако всегда существовала опасность двойных агентов. Причины и последствия двойной игры, которую вели секретные сотрудники с розыскными органами, были самыми различными. Речь могла идти о сознательном переходе осведомителя на сторону противника, о перевербовке агента, об утаивании информации и введении в заблуждение органов политического розыска. Рассмотрим подобные случаи на примере конкретных лиц — М. Е. Бакая, Л. П. Меньшикова, Е. Ф. Азефа, А. А. Петрова, Д. Г. Богрова.

Судьбы первых двух были в чем-то схожи. Они участвовали в народническом движении, правда весьма непродолжительное время и на третьестепенных ролях. Оба были арестованы, согласились стать осведомителями, а из осведомителей вышли в служащие охранных отделений, М. Е. Бакай — Варшавского, Л. П. Меньшиков — Московского. Впоследствии оба добились повышения, были причислены к Департаменту полиции, а Л. П. Меньшиков даже стал заместителем заведующего особым отделом — подразделением, в котором сосредоточились все нити борьбы с революцией. Подобную карьеру нельзя назвать необычной. Достаточно сказать, что С. В. Зубатов и

П. И. Рачковский, в разное время возглавлявшие особый отдел, в молодости отдали дань народническим увлечениям, были завербованы, а потом стали полицейскими чиновниками. С другой стороны, далеко не случайно в инструкциях по работе с внутренней агентурой говорилось, что “провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места, но не в розыскных учреждениях”. Никогда нельзя было быть уверенным в искренности бывших осведомителей, завербованных, как правило, под давлением и угрозами. Бакай говорил о себе: “По своим убеждениям я — эсер, а служу в Департаменте полиции чиновником особых поручений при охранном отделении”. Меньшиков же уверял, что он поступил в полицию с целью разузнать тайны охраны и разоблачить их “в мировом масштабе”.

И хотя к этим утверждениям следует отнестись с известной долей скепсиса, факт остается фактом — практически одновременно в конце 1905 — начале 1906 года, когда антиправительственное движение достигло пика, и Бакай, и Меньшиков вступили в контакт с эсдеками и эсерами, передав им ряд совершенно секретных материалов. Сделали они это по собственной инициативе, бескорыстно, на свой страх и риск. Особенно тяжелый урон нанес Департаменту полиции Меньшиков, имевший почти неограниченный доступ ко всем розыскным документам. Покинув в 1909 году Россию, он опубликовал ряд статей, в которых были раскрыты некоторые из известных ему агентурных псевдонимов. После революции эти материалы были сведены им в отдельное издание⁵. По собственным подсчетам, Меньшиков сообщил имена 350 секретных сотрудников. Размах разоблачительной деятельности Бакая был скромнее. Они способствовали разоблачению Е. Ф. Азефа. Меньшиков информировал эсеров о двух важных агентах, одним из которых был “инженер Азиев”. Бакай также сообщил, что существует очень ценный агент по кличке “Раскин”. Это был один из агентурных псевдонимов Азефа.

В отличие от большинства осведомителей, завербованных при аресте или в тюрьме, Азеф в 1893 году, будучи студентом политехнического института в Карлсруэ, по собственной инициативе предложил свои услуги Департаменту полиции. Постепенно он приобретал связи в революционном мире, в 1901 году участвовал в съезде, принявшем решение о слиянии ряда народнических групп в партию социалистов-революционеров. Азеф стал ближайшим сподвижником террориста Г. А. Гершуни, а после его ареста в 1903 году возглавил Боевую организацию

партии эсеров. Еще раньше Азеф вошел в Центральный комитет партии. Занимая эти посты, он располагал практически всей полнотой информации о деятельности эсеров и мог оказать тайной полиции неоценимые услуги. Благодаря его указаниям охране удалось сорвать попытку взорвать Государственный совет, предотвратить покушение на великого князя Николая Николаевича, министра юстиции И. Г. Щегловитова, двух генерал-губернаторов. Агентурные донесения от Азефа поступали вплоть до его провала в 1908 году. О разоблачении агента написаны книги, начиная с мемуаров В. Л. Бурцева, который на протяжении нескольких лет собирал изобличительный материал и потребовал от эсеров устроить партийный суд над предателем. Бурцеву удалось доказать свою правоту только после того, как бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин подтвердил причастность Азефа к внутренней агентуре. Разоблаченному агенту удалось ускользнуть от мести товарищей по партии. Напротив, Лопухин не смог уйти от возмездия со стороны правительства и за разглашение секретной информации был приговорен к пятилетней ссылке.

Вопрос о провокаторстве представляется наиболее сложным и подверженным различной трактовке. Революционеры и либеральная оппозиция обвиняли тайную полицию в том, что она при пособничестве своих агентов намеренно провоцирует антиправительственные выступления, чтобы жестоко расправиться с их участниками. Эти обвинения были справедливы лишь отчасти. Действительно, при использовании внутренней агентуры возникала неразрешимая дилемма. По-настоящему ценные сведения можно было раздобыть только активно участвуя в революционной деятельности, то есть совершая преступные, с точки зрения законодательства, деяния. Волей-неволей полицейские руководители агента, во-первых, в целях наиболее эффективного сбора информации поощряли революционную карьеру осведомителя, во-вторых, закрывали глаза на его участие в противозаконных актах. Нечто подобное случилось с Азефом. Его ценность как агента зависела от его партийного авторитета, который в свою очередь зависел от успеха террористических актов. Неизбежным следствием этого порочного круга стала двойная игра. Азеф систематически вводил в заблуждение Департамент полиции и Петербургское охранное отделение относительно своего положения в партии. Никто из полицейских чиновников и жандармских офицеров, в разное время поддерживавших связи

с Азефом, не подозревал о том, что их осведомитель отвечает в партии за так называемый “центральный террор” и как глава Боевой организации спланировал ряд громких террористических актов, включая убийство министра внутренних дел В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича.

Правительство отвергало мысль, что двойная игра Азефа в конечном итоге принесла больше вреда, чем пользы. Председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин, отвечая на запрос депутатов Третьей Государственной думы, подчеркивал, что если один из главарей революции был, собственно, сотрудником Департамента полиции, то это, конечно, весьма печально, но никак не для правительства, а для революционной партии. Общий вывод министра был следующим: “покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск”⁶. После дела Азефа были приняты меры для предотвращения разоблачений секретных агентов чинами полиции, но, очевидно, не было сделано никаких выводов, направленных на решение проблемы двойной игры секретных сотрудников.

Это наглядно проявилось в деле А. А. Петрова, народного учителя из Вятской губернии и активного члена партии эсеров. В феврале 1909 года он выразил готовность стать осведомителем в обмен на освобождение из тюрьмы. Начальник Саратовского губернского жандармского управления П. К. Семигановский дал зашифрованную телеграмму в Петербург, что есть возможность заполучить серьезную агентуру в лице “товарища Бориса Савинкова, боевика”. Однако директор Департамента полиции М. И. Трубевиц был настроен весьма скептически. Его резолюции гласили: “Пусть даст откровенное показание. Думаю, что едва ли верное предприятие”, “Сделка слишком мало обеспечена для нас — выходит, что мы выпускаем каторжника и сильного работника в партии, а взамен одно обещание, ничем не подкрепленное”⁷. Однако товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов горел желанием возместить потерю Азефа приобретением сотрудника, занимающего видное положение в эсеровской партии. С разрешения генерала Курлова арестанту был устроен побег.

Снабженный инструкциями, деньгами, явками, Петров отбыл из России. За границей он признался товарищам по партии в связях с полицией. Существуют различные версии того, как и почему это произошло. Сам Петров утверждал, что сделал это добровольно и что его связь с полицией с самого начала была

задумана для пользы революционной борьбы. Впоследствии эсеры писали о А. А. Петрове: “Он строил широкие планы добиться доверия, стать крупной фигурой, большим “provokatorom”, чтобы открыть весь механизм полицейского сыска, чтобы узнать все пути, какими тайная полиция получает свои сведения, узнать главнейших provokatorов и выдать их партии”⁸. Петров вернулся в Россию, на сей раз снабженный инструкциями эсеров и динамитом. Перед отъездом он оставил для опубликования свои заметки, в которых были следующие слова: “Ни под каким видом, ни с какими целями входить с охранником в согласие нельзя: подобный поступок не может быть оправдываем ничем, никакими расчетами пользы и выгоды. Малейший шаг в этом направлении наносит партии и страшный вред — только вред, и противоречит традиции партии, и является поступком, недостойным члена п. с-р.”. В Петербурге агентом руководил полковник С. Г. Карпов, незадолго до этого назначенный начальником Петербургского охранного отделения. 8 декабря 1909 года во время встречи на конспиративной квартире на Астраханской улице Петров взорвал бомбу, убившую полковника. Террорист был приговорен к смертной казни.

Гибель начальника столичного охранного отделения не заставила руководство политическим розыском внести сколько-либо существенные коррективы в работу с внутренней агентурой. Это предопределило самый большой провал, который потерпела тайная полиция, а именно: убийство главы правительства Столыпина агентом киевского охранного отделения Д. Г. Богровым. По всей видимости, Богров, имевший авантюрные наклонности, рассматривал агентурную службу как своего рода приключение. О его революционных намерениях говорить не приходится, так как он выдал полиции около сотни человек, некоторые из которых были приговорены к каторжным работам. Через два года такой службы у товарищей Богрова по анархистскому подполью зародились первые подозрения. Он переезжает в Петербург, где опять-таки по собственной инициативе становится агентом охранного отделения, потом вновь возвращается в Киев. Молниеносность суда и приведение в исполнения приговора породила множество слухов и версий. Представляется, что дело заключалось в грубейших просчетах охранного отделения⁹.

Рассмотренные примеры двойной игры секретных сотрудников имеют много общего, а в случае с покушениями, осуществленными Петровым и Богровым, можно даже говорить о зер-

кальном сходстве. Проблема двойных агентов вытекала из самой организации политического розыска в России, строившегося на секретной агентуре, завербованной из числа революционеров. Нельзя было поручиться за надежность агентов, какие бы важные услуги они ни оказывали ранее. А. И. Спиридович впоследствии писал, что каждый агент рано или поздно переживал тяжелую депрессию: "В этот-то критический психологический момент и начиналось шатание сотрудников. Это был момент очень опасный для заведующего розыском. Здесь у сотрудника зарождалась мысль отомстить ему за свое падение, хотя в большинстве случаев последний не был в том повинен. Этот момент неминуемо наступал у каждого сотрудника, исключая действительно идейных. Его надо было не пропустить, подметить, надо было или поддержать сотрудника морально, или вывести его из революционной среды, устроить вдалеке от политики — заставить забыть ее. Если офицер не успевал этого сделать, все очень часто оканчивалось катастрофой для него самого"¹⁰.

Примечательно, что руководство политической полицией не извлекло уроков и не сделало должных выводов из провалов в работе с секретной агентурой. Эти провалы следовали один за другим, что являлось косвенным свидетельством кризиса в организации политического розыска в России в начале XX века.

¹ Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками / публикация З. И. Перегудовой. СПб., 1992.

² Агафонов А. К. Заграничная охранка: Составлена по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. Пг., 1918. С. 216.

³ La Porte Histoire de la okhrana: La police secrete des tsars. 1880—1917. Panis. 1935. P. 61—62.

⁴ Scheifman N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement The 8R Parly 1902—1914. L. 1988. P. 48.

⁵ Меньшиков Л. П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925. Ч. 1—3.

⁶ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 198, 203.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. 00. 1909. Д. 175. Л. 9.

⁸ К убийству полковника Карпова // Знамя труда. 1909. № 25.

⁹ См.: Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

¹⁰ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 195.

С. В. Леонов,

доктор исторических наук, профессор.
Московский государственный педагогический университет

СОЗДАНИЕ ВЧК: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Несмотря на обширную историографию Всероссийской чрезвычайной комиссии, проблема ее создания остается не вполне исследованной. До последнего времени в этом даже отказывались видеть проблему. Как правило, создание ВЧК в декабре 1917 года объяснялось — с теми или иными вариациями — резко обострившейся обстановкой в Петрограде. Между тем, хотя обстановка в столице в тот период действительно была напряженной, это отнюдь не явилось основной причиной организации ВЧК. Резкое обострение ситуации, напротив, во многом препятствовало созданию нового органа по борьбе с контрреволюцией.

Большевики не могли овладеть аппаратом старых министерств и ведомств и поставить себе на службу чиновничество. Роль аппарата Совета Народных Комиссаров выполнял Петроградский Военно-революционный комитет. (После того как 29 октября 1917 года в него были включены тринадцать представителей ВЦИК, последний превратился во всероссийский орган и стал называться Военно-революционным комитетом при ВЦИК.) Именно ВРК играл ведущую роль в наведении "революционного порядка", в борьбе с забастовкой служащих, организации наркоматов и решении других неотложных проблем, фактически ВРК подменял Наркомат внутренних дел. Не случайно на заседании Совнаркома 15 ноября 1917 года члены правительства склонялись к официальной передаче ему НКВД. Это предложение не прошло, однако 16 ноября Совнарком ввел

в коллегию наркомата членов ВРК М. К. Муранова, И. С. Уншлихта, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Лациса, М. С. Урицкого и П. Е. Казимира. Лишь новый нарком Г. И. Петровский не был членом ВРК¹.

Деятельность Военно-революционного комитета, сумевшего создать многофункциональный аппарат, привыкшего к самостоятельности и подведомственного формально не правительству, а Петроградскому Совету, а затем ВЦИК, вызывала иногда серьезные трения с СНК, наркоматами, а порой и лично с В. И. Лениным. 25 ноября уже по его предложению СНК решил "разгрузить" ВРК от ряда функций, передав их соответствующим наркоматам (продовольствия, иностранных дел, внутренних дел, путей сообщения, юстиции и пр.)². Отныне совсем не "скупой" Совнарком стал отказывать ВРК в кредитах. 26 ноября был расформирован Морской военно-революционный комитет. 5 декабря 1917 года ВРК был распущен.

В этой истории до сих пор много неясного. Бытовавшее объяснение, что ВРК якобы выполнил возложенные на него задачи, вряд ли соответствует действительности. Большинство наркоматов к этому времени практически бездействовало, а обстановка в Петрограде была крайне накалена массовыми "винными погромами", сопровождавшимися бесчинствами и пальбой пьяных толп "трудящихся" и солдатни. Положение еще более усугублялось приближавшимся созывом Учредительного собрания, активизировавшим антибольшевистские силы, а главное невиданно мощной забастовкой подавляющей части аппарата министерств и ведомств. Забастовка постепенно приобретала всероссийский характер, охватывая не только обе столицы, но и многие губернские центры и даже небольшие уездные города. Например, в Гжатске Смоленской губернии, где из более чем трехсот служащих большевиков оказалось лишь четверо, в начале 1918 года чиновники казначейства, кооператоры и народные учителя вынесли резолюцию о непризнании Совнаркома. 4 января 1918 года гжатские большевики извещали ЦК, что "Совет начал усиленную борьбу с чиновниками-саботажниками"³. До подавления "саботажа" овладеть аппаратом государственно-го управления и сколько-нибудь контролировать из центра огромную страну большевики не могли.

Распускать в такой ситуации Военно-революционный комитет было, по меньшей мере, опрометчиво. Однако именно в этот острейший период ВРК и был ликвидирован. Причем, больше-

вистское руководство пошло на этот шаг, невзирая на то, что заменить ВРК тогда было нечем! Лишь после его роспуска начался поиск форм новой организации.

В тот же день, 5 декабря 1917 года, Совнарком по предложению Дзержинского обсудил вопрос о необходимости ликвидации бывшего градоначальства и создании специального органа для поддержания порядка в столице. Одобрив этот план, СНК поручил К. Е. Ворошилову провести его в жизнь⁴. 6 декабря в самом конце заседания Совнаркома его члены обсудили вопрос "О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе". СНК постановил "поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможностей борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер..."⁵. На следующий день Совнарком вынужден был обсуждать вопрос "о требованиях ЦК профсоюза почтово-телеграфных служащих, о возможности Всероссийской почтово-телеграфной забастовки и... всеобщей забастовки всех служащих государственных учреждений". Но поскольку комиссия, назначенная "по этому поводу" на прошлом заседании СНК, еще заседала, было решено "не расходиться до тех пор, пока комиссия не вынесет своего решения". В конце заседания Дзержинский сделал доклад о задачах, первоначальном составе и структуре комиссии. Совнарком одобрил ее создание и постановил назвать ее Всероссийской чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем⁶.

Такова внешняя канва событий. Из нее явствует, что поиск форм новой организации носил черты импровизации и явной торопливости. Однако ответа на ключевой вопрос — зачем большевистскому руководству потребовалось срочно создавать новый орган борьбы с контрреволюцией? — официальные правительственные документы не дают.

Ссылки на напряженную обстановку в Петрограде и саботаж государственных служащих не могут объяснить ни причин разгона ВРК едва ли не в самый острый момент, ни создания только спустя два критических дня почти беспомощной поначалу ВЧК. В отличие от Военно-революционного комитета она не имела ни своих воинских частей, ни представителей в гарнизонах, военных учреждениях и на предприятиях. Кроме того, из десяти членов ВЧК шестеро являлись руководящими работниками ВРК. Нельзя не учитывать и того, что учреждение специального органа по подавлению контрреволюции противоречило

основным принципом советского государства-коммуны. С этих позиций Военно-революционный комитет, опиравшийся на относительно широкие слои революционных рабочих и солдат, являлась гораздо более подходящим органом, чем ВЧК.

Действительную причину создания Всероссийской чрезвычайной комиссии и роспуска ВРК назвал видный чекист М. И. Лацис в уникальном по богатству фактического материала, но почти не использовавшемся исследователями в силу секретности, организационном отчете ВЧК за четыре года ее деятельности. “Первую борьбу с контрреволюцией пришлось вынести на себе Петроградскому Военно-Революционному комитету, — писал Лацис. — В числе контрреволюционных элементов первое место занимали лжесоциалистические партии. Военно-Революционному комитету приходилось в первую очередь сталкиваться с ними. А у них имелись свои “плакальщики” в составе ВРК в лице левых эсеров. Последние сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою “общечеловеческую” мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей Советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет немыслимо вести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигается мысль о создании нового органа борьбы, куда бы не входили левые эсеры. Исходя из этих соображений, 7 декабря (старого стиля) Советом Народных Комиссаров было принято ... постановление об организации ВЧК...”⁷.

Таким образом, причины создания ВЧК заключались не столько в обострении обстановки, сколько в стремлении большевиков избавиться от влияния левых эсеров в принципиально важной сфере “борьбы с контрреволюцией” с тем, чтобы обеспечить более жесткое и оперативное подавление всех политических оппонентов и установить надежный контроль над страной. Особую остроту и актуальность эта проблема приобрела накануне вхождения левых эсеров в состав советского правительства⁸. Организация специализированного органа⁹, подотчетного лишь Совнаркому, где преобладали большевики, позволяла последним контролировать эту сферу и обеспечить “свободу рук” ВЧК, а через нее — и собственной партии.

Первоначальный замысел большевиков временно претерпел определенную трансформацию. За месяц после создания Всероссийской чрезвычайной комиссии произошла серия острых конфликтов с левозэсерским Наркоматом юстиции и больше-

вики вынуждены были включить в ВЧК представителей партии левых социалистов-революционеров. Как и в Совнаркоме, они составили треть коллегии ВЧК. Тем не менее, ситуация принципиально не изменилась. Левозэсерских представителей утверждали ВЧК и СНК, где большевики имели большинство голосов, а уже в марте 1918 года, после заключения Брестского мира, левые эсеры вышли из состава Совнаркома, что еще больше затруднило их контроль за деятельностью ВЧК. После же июльских событий 1918 года левые эсеры были изгнаны из ВЧК.

ВЧК с самого начала рассматривалась не только как орган борьбы с контрреволюцией, но прежде всего как важнейший орган власти большевистской партии, средство реализации ее идеологической доктрины. Создание ВЧК явилось одним из важнейших проявлений развертывавшейся “красногвардейской атаки на капитал”. Учреждение ВЧК, как показывает записка Ленина Дзержинскому 7 декабря 1917 года, мыслилось вождем в едином контексте не только с резким ужесточением борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, но и с организацией тотального контроля над “лицами, принадлежащими к богатым классам”, всеми государственным служащими и подготовкой введения всеобщей трудовой повинности¹⁰. Эти меры, в свою очередь, являлись для Ленина необходимыми и важнейшими шагами в его попытке непосредственного введения социализма, предпринятой зимой—весной 1917—1918 года¹¹.

В отчете ВЧК весьма откровенно перечислены принципиальные факторы, способствовавшие созданию данной организации. На первом месте среди них стоит отнюдь не обострение ситуации и необходимость подавления активизировавшейся контрреволюции (этот фактор отнесен на второе место), а “правильное понимание классовой борьбы и классового государства”, осознание того, что “всякое государство есть аппарат насилия”. Таким образом, создание ВЧК мыслилось прежде всего как закономерное следствие курса на осуществление социализма, реализацию марксистской идеологии, причем не ее частных, конкретных рекомендаций — они-то как раз и не предусматривали поначалу создание подобного органа, — а самой сути этой доктрины. Двумя другими факторами создания ВЧК были названы: опыт старого государства, прежней власти, “так долго державшейся... несмотря на то, что она опиралась лишь на меньшинство”, и недостаточная сознательность народных масс, еще пропитанных “старым духом”¹².

Поскольку полномочия ВЧК не были точно очерчены, по мере обострения ситуации в стране большевистское руководство, а зачастую и сами чекисты, явочным порядком расширяли функции, права чрезвычайных комиссий, что приводило к столкновению с другими ведомствами и росту мессианских настроений в чекистской среде. Примечательный пример: 26 марта 1918 года чекисты, заручившись разрешением управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевича, реквизировали пять автомобилей из гаража Совнаркома. При этом они, нисколько не смущаясь, настойчиво пытались забрать автомобили Ленина и Троцкого, а когда им отказались их выдать, обвинили служащих базы в контрреволюции¹. Уже к концу 1918 года ВЧК превратилась в важнейший (наряду с Красной Армией) институт большевистского государства. Несмотря на периодические острые конфликты с Наркомюстом, Наркомвнуделом, ревтрибуналами, военным ведомством, Наркоматом путей сообщения, а также с местными советскими и партийными органами, полномочия ВЧК и ее взаимоотношения с другими государственными институтами так и не были урегулированы, что явилось одной из важнейших причин реорганизации ВЧК в ГПУ в феврале 1922 года.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6; Д. 2. Л. 2.

² Там же. Д. 11. Л. 2.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 23. Л. 161.

⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 21. Л. 2.

⁷ Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. Первая организационная часть. М., 1922. С. 8.

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁹ Тенденция к созданию компактных и специализированных органов по борьбе с контрреволюцией стала проявляться еще ранее. В частности, 21 ноября 1917 года при ВРК была создана соответствующая комиссия, 2 декабря при Петроградском совете — комитет по борьбе с погромами.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156–158.

¹¹ См.: Леонов С. В. Рождение советской империи. Государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997. С. 124–140.

¹² Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 5–7.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3078. Л. 1–2.

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ВЧК

Начавшееся в середине февраля 1918 года германское наступление на Петроград создало чрезвычайную ситуацию. В связи с этим 21 февраля Совнарком утвердил декрет “Социалистическое отечество в опасности!”. На его основании ВЧК впервые получила право внесудебной расправы над “неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами”. Через день к ним добавили “саботажников и прочих паразитов”, предупредив, что ВЧК не видит других мер, кроме беспощадного уничтожения таковых “на месте преступления”¹.

В первой половине 1918 года в ВЧК была создана первая “тройка” в составе Ф. Э. Дзержинского, В. А. Александровича и Я. Х. Петерса, облеченная расплывчатыми полномочиями. 15 июня вопрос о тройке пересмотрели и приняли решение составить ее из представителей партий большевиков и левых социалистов-революционеров с полномочиями решать вопросы о расстреле. Членами тройки были утверждены Ф. Э. Дзержинский, В. А. Александрович и М. Я. Лацис, заместителями — В. В. Фомин, И. И. Ильин и Я. Х. Петерс. Приговоры тройки о расстреле должны были быть единогласными. Но сконструированная таким образом тройка не способна была выполнять карательные задачи. Входящие в нее левые социалисты-революционеры стояли в принципиальной оппозиции к большевикам в вопросе о применении высшей меры наказания, ссылаясь на директивы партии. Ситуация изменилась после восстаний в Москве и Ярославле, когда левые эсеры были исключены из состава Комиссии².

Летом в условиях интервенции и усилившейся гражданской войны государство ввело смертную казнь по приговорам революционных трибуналов. Усилилась карательная деятельность Всероссийской и местных ЧК — они начали выносить постановления о применении исключительной меры наказания в отно-

шении контрреволюционеров³. Одновременно вводилась еще одна мера борьбы — заложничество. Право брать заложников было предоставлено ВЧК и ее местным органам, что вне всякого сомнения явилось актом государственного терроризма. Применялась изоляция в концентрационные лагеря⁴.

5 сентября 1918 года принимается постановление Совнаркома о красном терроре, знаменовавшее крайности внутриполитической обстановки. Так, в Лефортовском районе была принята резолюция, призывавшая расстреливать всех контрреволюционеров. Выдвигалось требование о предоставлении районам права самостоятельно принимать решения о расстрелах и создании мелких концентрационных лагерей. Президиуму ВЧК и районным чрезвычайным комиссиям предлагалось безотлагательно рассмотреть дела контрреволюционеров и всех явных расстрелять⁵. Подготовленная инструкция о компетенции районных ЧК предоставила им право расстрела, но после утверждения ВЧК, право налагать наказания до шести месяцев тюремного заключения, а штрафы без ограничения; кроме того, предоставлялось право конфискации имущества⁶.

После введения режима красного террора стали поступать отчеты с мест. Так, 24 сентября 1918 года Павловская уездная ЧК докладывала: "За все время своего существования Комиссией было расстреляно 27 лиц, контрреволюционеров — 12, заложников буржуазии — 12 и троих бандитов"⁷. Чрезвычайная Западная комиссия сообщала, что после покушения на жизнь бывшего члена ЧК Михаила Марченко было приговорено к расстрелу 50 человек заложников, из которых 12 человек уже расстреляли⁸.

Правившая верхушка преследовала цель устроить население страны. Л. Д. Троцкий писал: "Устрашение есть могущественное средство политики и международной, и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю; так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально отличается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является"⁹. М. Я. Лацис также пытается обосновать необходимость массовой ликвидации буржуазии: "Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против

Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова у него профессия, Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора"¹⁰.

После достижения цели массового террора полномочия чрезвычайных комиссий были несколько ограничены. В Положении ВЦИК о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 года губернским ЧК предоставлялось право заключения в дома принудительных работ; в местностях, объявленных на военном или осадном положении, применение высшей меры наказания определялось постановлением коллегии из трех человек, персональный состав которой утверждался президиумом ВЧК. Такие же права предоставлялись особым отделам охраны границ и окружным транспортным отделам¹¹.

В Положении об организации ВЧК от 18 ноября 1918 года подтверждалось право ВЧК на применение внесудебных полномочий, в том числе и высшей меры наказания. В инструкции для районных чрезвычайных комиссий подробно перечислялись категории лиц, в отношении которых можно применять расстрел, указывалось, что данная категория дел обсуждается обязательно в присутствии представителя комитета партии коммунистов, причем расстрелы приводились в исполнение лишь при условии единогласного решения трех членов комиссии. По требованию представителя партийного комитета или в случае разногласия среди членов комиссии дело передавалось на решение ВЧК. Эти же комиссии имели право заключения в концентрационный лагерь с организацией принудительных работ. Указывалось, что "в целях терроризации буржуазии следует также применять выселение буржуазии, давая на выезд самый короткий срок (24—36 часов)"¹².

В инструкции чрезвычайным комиссиям на местах, утвержденной ВЧК 1 декабря 1918 года, определялось: ЧК, являясь органом борьбы в острые моменты революции, применяют в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке, в том числе штрафы, выселки, расстрелы и т. п. Право на применение высшей меры наказания имели губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК¹³. Таким образом, расстреливать можно было в административном порядке, без предания человека суду.

28 декабря 1918 года президиум ВЧК отклонил предложение Петерса, чтобы чекисты вершили расстрелы с ведома ревтрибуналов на том основании, что "ревтрибуналы не перешли в ведение ВЧК". В состав новой утвержденной судебной тройки ВЧК вошли Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, М. С. Кедров и И. К. Ксенофонтов¹⁴. 4 февраля 1919 года на заседании ЦК РКП(б) было принято постановление о полномочиях ЧК и ревтрибуналов. Комиссии в составе Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина и Л. Б. Каменева было поручено подготовить проект положения ВЦИК о чрезвычайных комиссиях, основой которого становилось следующее: право вынесения приговоров передавалось из ЧК в ревтрибуналы, аппарат ЧК оставался в качестве розыскных органов и органов непосредственной борьбы с вооруженными выступлениями (бандитскими, контрреволюционными и т. п.), за ЧК сохранялось право расстрелов при объявлении той или иной местности на военном положении.

Таким образом, главными функциями ЧК определялись розыск и право внесудебных расстрелов при введении военного положения. Но через месяц, в марте, в связи с наступлением армии Колчака, все права ВЧК осени 1918 года были восстановлены.

24 апреля 1919 года ВЦИК принял дополнение к Положению о ЧК. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, предлагалось передавать реорганизованным трибуналам. При наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных или бандитских) за ЧК сохранялось право непосредственной расправы для пресечения преступлений. Такое же право сохранялось за ЧК в местностях, объявленных на военном положении за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения. Кроме того, ВЧК предоставлялось право заключения в концентрационный лагерь¹⁵.

Постановление ВЦИК от 16 июня 1919 года определило организацию лагерей принудительных работ, которая возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии. Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны были быть открыты лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый¹⁶. С разрешения НКВД такие лагеря могли открывать и в уездах. Заключение в лагерь подлежали те лица и категории лиц, относительно которых были вынесены поста-

новления отделов управления, ЧК, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов, которым предоставлялось это право декретами и распоряжениями¹⁷.

Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский 19 июня 1919 года утвердил Инструкцию о чрезвычайных комиссиях на местах. Делами по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности ведали организованные местными советами или их исполкомами на одинаковых правах с иными отделами местные чрезвычайные комиссии. Обязанностью губернских ЧК являлось наблюдение за революционным порядком в губернии. Комиссии при объявлении обслуживаемой территории на особом положении имели право применять репрессивные меры в административном порядке¹⁸.

Своим постановлением об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении, от 20 июня 1919 года ВЦИК конкретизировал пункт 3 постановления ЦИК о ВЧК (от 24 апреля 1919 года) о праве непосредственной расправы в местностях, объявленных на военном положении. В разъяснении постановления ВЦИК от 20 июня 1919 года определялось право чекистских органов в местностях, объявленных на военном положении, на непосредственную расправу (вплоть до расстрела) за нижеследующие доказанные преступные деяния: принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против советской власти, государственная измена и шпионаж, укрывательство изменников и шпионов, сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия, подделку денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов, организацию поджогов и взрывов, умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного или телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов, бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей), пособничество им и укрывательство, разбой и вооруженный грабеж, торговлю кокаином¹⁹.

21 октября 1919 года был издан декрет СНК о создании для дел о крупных спекуляциях Особого революционного трибунала при ВЧК, приговоры которого становились окончательными и обжалованию в кассационном порядке не подлежали. Особый революционный трибунал в своих суждениях должен был ру-

ководствоваться исключительно интересами революции, не связывая себя никакими формами судопроизводства и процессуальными тонкостями, его заседания проходили гласно²⁰.

Приказ ВЧК от 17 декабря 1919 года предписывал местным органам брать на учет "все буржуазное население, могущее служить заложниками", как-то: бывших помещиков, купцов, фабрикантов, заводчиков, банкиров, крупных домовладельцев, офицеров старой армии, видных чиновников царского времени и времени Керенского, родственников белогвардейцев, а также видных функционеров "противосоветских партий", склонных остаться за фронтом в случае отступления красных. Списки представлялись в ВЧК, которая решала, когда приступать к взятию заложников²¹.

25 декабря 1919 года съезд особых отделов принял инструкцию, в которой как средство осуществления возложенных задач в числе других мер разрешил применять высылку из фронтовой полосы, заключение в лагеря принудительных работ и прочие административные меры, являвшиеся прерогативой губернских ЧК²².

ВЦИК и Совнарком своим постановлением от 17 января 1920 года отменили применение высшей меры наказания²³. В этой связи президиум ВЧК 15 февраля направил инструкцию чрезвычайным комиссиям, особым отделам и их отделениям на местах о праве налагать за преступления такие наказания, как штрафы и заключение в концлагерь; дела могли передаваться в трибуналы или народные суды. Губернские чека имели также право подвергать заключению без срока лиц, опасных для революции, но уведомляя в каждом случае президиум ВЧК. Мера наказания определялась коллегией губчека и по представлению начальника особого отдела²⁴.

В связи с угрожающими размерами бандитизма Совнарком 19 февраля 1920 года постановил "лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, разбойных нападениях и в налетах, предавать суду революционного военного трибунала". ВЧК и трибуналу, по взаимному соглашению, было предоставлено право учреждать военные трибуналы в местностях, опасных в отношении бандитизма. Определялись судопроизводственные правила²⁵. В то же время, в целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины и с "паразитическими элементами населения" в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для

направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губернскими ЧК сохранялось право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше пяти лет²⁶. Таким образом, чрезвычайные комиссии могли без достаточных доказательств, минуя судебные органы, проводить репрессивную политику.

Разразившаяся советско-польская война вызвала решение Совета Труда и Оборона об объявлении во многих местностях военного положения и предоставлении права расстрела Петроградской, Новгородской, Олонецкой, Тверской, Архангельской, Ярославской, Московской, Нижегородской, Тульской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Брянской и Казанской губернским чрезвычайным комиссиям; Череповецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Иваново-Вознесенской, Владимирской, Рязанской и Орловской губчека предоставлялось право выносить приговоры о расстреле в исключительных случаях, приводя их в исполнение после санкции ВЧК²⁷. Особые отделы фронтов и армий по постановлению троек, персонально утвержденных ВЧК, имели право применения высшей меры наказания по обвинению в шпионаже, бандитизме, участии в вооруженном восстании²⁸.

Ко времени окончания боевых действий карательные функции не изменились. Так, декрет СНК от 29 августа 1921 года позволял тем иностранным граждан, образ жизни, деятельности и поведения которых признавались несовместимыми с принципами и укладом жизни рабоче-крестьянского государства, высылать из пределов РСФСР по постановлению ВЧК или приговорам судебных органов²⁹.

В декабре 1921 года ВЦИК принял решение сузить полномочия органов ВЧК и усилить начала законности. В условиях мира отпала нужда в органе, который пользовался, по характеристике Лациса, "в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил"³⁰. ВЧК была упразднена 6 февраля 1922 года декретом ВЦИК. Для выполнения задач по подавлению контрреволюционных выступлений, бандитизма, борьбе со шпионажем, охране железнодорожных и водных путей, границы при НКВД РСФСР было создано Государственное политическое управление.

В последние годы встал вопрос о числе жертв органов ВЧК. Из книги в книгу попадает цифра Роберта Конквиста — 140 тысяч человек. Так ли это? Статистические материалы свиде-

тельствует, что число расстрелянных органами ВЧК в целом соответствует тем цифрам, что приводил Лацис за 1918 и семь месяцев 1919 года: соответственно 6300 и 2089 человек. Расхождение наблюдается только по количеству учреждений, представивших сведения. По М. Я. Лацису, сведения представлены из 20 губерний, статистические таблицы свидетельствуют — из 34 губерний в 1918 году и из 35 — в 1919 году. По 17 регионам сведения не перепроверялись. В 1921 году по статистике были расстреляны 9701 человек. За контрреволюционные преступления в 1918 году были расстреляны 1637 человек, за семь месяцев 1919 года — 387 человек³¹. Таким образом, почти за три года органы ВЧК уничтожили 17,5 тысяч человек. Вне всякого сомнения, эти данные не полные. Сюда не вошли жертвы Крымской и Кронштадтской трагедии. На наш взгляд, число жертв органов ВЧК составило никак не более 50 тысяч человек.

Исследование протоколов заседаний чрезвычайных комиссий свидетельствует о том, что приговоры к высшей мере наказания были скорее исключением, чем правилом, дела зачастую направлялись на доследование, применялись амнистии. Хотелось бы подчеркнуть, что очень часто приговоры к ВМН были условными. Крайне редко встречаются постановления следующего плана: чрезвычайная тройка особого отдела ВЧК 13-й армии на заседании 14 апреля 1920 года слушала дело по обвинению Комиссурайтуса К. Л. в грабежах, в присвоении казенных денег, агитации против советской власти, службе у Махно. Тройка постановила: к Комиссурайтусу как сознательному и неисправимому бандиту применить высшую меру наказания — расстрел³². Вместе с тем нельзя не отметить, что временами расстрелы утверждались в значительных масштабах. Так, с 3 сентября по 20 октября 1919 года коллегия ВЧК рассмотрела 134 дела, по которым 34 человека приговорено к высшей мере наказания³³. 6 августа 1921 года на заседании судебной тройки ВЧК (И. С. Уншлихт, С. А. Мессинг, Г. Г. Ягода) было рассмотрено 43 дела, из них 8 расстрельных; 20 августа — 45 дел — 17 расстрельных; 3 сентября — 32 дела — 26 приговоров к расстрелу³⁴.

³¹ Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

³² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 19.

³³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 118.

³⁴ Там же. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 74.

³⁵ Там же. Л. 78.

³⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. Л. 2.

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ Там же. Д. 6. Л. 6.

³⁹ Там же. Ф. КПИ. Д. 1441. Л. 80.

⁴⁰ Красный террор. Казань. 1918. № 1. С. 1–2.

⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 43–48.

⁴² Там же. Л. 66–67.

⁴³ Там же. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 59.

⁴⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Оп. 4. Д. 107. Прил. Л. 2–3.

⁴⁶ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 86. Л. 15–18.

⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 97. Л. 40а.

⁴⁸ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 87. Л. 36–39.

⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 107. Прил. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 113.

⁵¹ Там же. Л. 191.

⁵² Там же. Л. 105.

⁵³ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 107. Прил. Л. 9–10.

⁵⁴ Там же. Л. 14, 25.

⁵⁵ СУ. 1920. № 11.

⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 90. Л. 150–151.

⁵⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 108. Л. 30.

⁵⁸ Там же. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 212–220.

⁵⁹ Там же. Д. 1441. Л. 117.

⁶⁰ Лацис М. Я. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 8.

⁶¹ Его же. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный очерк двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. С. 69; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 189. Л. 1; Д. 190. Л. 1; Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 80.

⁶² Там же. Д. 828. Л. 66.

⁶³ Там же. Оп. 3. Д. 82. Л. 199.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 140, 145, 149.

А. А. Зданович,
генерал-майор,
начальник ЦОС ФСБ РФ,
профессор РАЕН

СОЗДАНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА ЮЖНОГО ФРОНТА

Создание фронтовых и армейских особых отделов началось стихийно, еще до издания приказа М. С. Кедрова от 4 января 1919 года. К объединению органов военного контроля и чрезвычайных комиссий в войсках подталкивал ряд обстоятельств.

Члены соответствующих реввоенсоветов, отвечавшие за работу розыскных и карательных органов, отчетливо понимали, что в практической деятельности военконтроля и чрезвычайкомов больше общего, чем различий. Решая во многом совпадающие задачи, указанные аппараты неминуемо сталкивались при их реализации, а это приводило к конфликтам в служебной сфере и склокам на личностном уровне. Критическим было положение с кадрами. Даже партийные мобилизации не давали армейским спецслужбам необходимого количества сотрудников, прежде всего для замещения ответственных должностей. Политотделы зачастую персонально распределяли коммунистов между чекистскими органами и военконтролем. В отличие от центрального аппарата на местах не существовало проблемы ведомственной принадлежности особых отделов, поскольку полновластными хозяевами во фронтовой полосе являлись реввоенсоветы, своими распоряжениями учреждавшие и упразднявшие любые военные учреждения, принимавшие решения о назначении либо снятии с должности их руководителей.

Вопрос состоял лишь в том, кто конкретно возглавит единый аппарат и что брать за основу — чрезвычайную комиссию или отдел военного контроля. Здесь многое зависело от сложившейся и прогнозируемой военно-политической обстановки в зоне ответственности того или иного фронта.

Первые особые отделы появились на Южном фронте. В сентябре—октябре 1918 года войска фронта вели упорные оборонительные бои на царичинском и воронежском направлениях

с донской армией белых. В ноябре командование фронта предприняло попытку наступления, однако она оказалась неудачной. Значительные потери понесли части Восьмой, а также Девятой армий, где от одной из наиболее боеспособных дивизий остались только штабы¹. Не единичными стали факты самовольного оставления позиций целыми подразделениями, невыполнения боевых приказов. Учитывая реальную угрозу быстрого продвижения белых, руководство страны и командование Красной Армии принимали меры по срочному пополнению частей личным составом, переброске подкреплений с Восточного фронта, усилению снабжения действующих армий всем необходимым.

ЦК РКП(б) утвердил 26 ноября 1918 года специальное постановление об укреплении Южного фронта. В нем, в частности, указывалось, что «Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте — не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно остаться безнаказанным»². Постановление ЦК РКП(б), несомненно, явилось прямой директивой для членов Реввоенсовета Южного фронта, которую следовало проводить в жизнь незамедлительно и жестко.

Одним из важнейших инструментов в решении данного вопроса стала созданная приказом РВС 15 ноября фронтовая чрезвычайная комиссия³. Член Реввоенсовета Республики и одновременно Южного фронта К. А. Мехоношин, критически настроенный по отношению к военной контрразведке и служившим там бывшим офицерам, добился издания приказа о назначении большевика с дореволюционным стажем Г. И. Бруно не только председателем ЧК Южного фронта, но и заместителем начальника отдела военного контроля. Пользуясь поддержкой Реввоенсовета, Бруно отстранил от должности начальника отдела Е. А. Трифонова и уволил большую часть личного состава по причине неблагонадежности. На заседании бюро партийной ячейки отдела он объяснил свои действия тем, что должны остаться только коммунисты⁴.

Уже 27 ноября Реввоенсовет утвердил новый штат фронтовой ЧК, которой передавалась функция борьбы со шпионажем и агентурной разведки в тылу противника⁵. Оставшиеся на служ-

бе сотрудники отдела военного контроля зачислялись в штат чрезвычайной комиссии. Туда же передавался весь архив, действующие оперативные и следственные дела. Таким образом, отдел военконтроля фактически перестал существовать. Решительные действия Бруно нашли одобрение у членов комиссии по ревизии органов военного контроля и, в частности, заместителя председателя ВЧК М. Я. Лациса. Последний изложил членам Реввоенсовета свой взгляд на дальнейшую судьбу военконтроля и проектируемый особый отдел, который видел как "чрезвычайную комиссию с одной лишней функцией, одним лишним отделом — разведка в тылу неприятеля..."⁶.

Поскольку Бруно именно такой аппарат и создал, то РВС своим приказом от 7 декабря 1918 года о создании особого отдела Южного фронта лишь юридически оформил упразднение отдела военного контроля⁷. Одновременно с изданием приказа Реввоенсовет утвердил написанное Бруно "Общее положение об особых отделах на Южном фронте". Согласно документу, задачи вновь созданных органов заключались в следующем: очищение командного состава, штабов и всех частей от контрреволюционных элементов; борьба со шпионажем; зафронтная разведывательная деятельность. Как и добивались чекисты, сотрудниками особых отделов могли стать исключительно члены большевистской партии.

Необходимо подчеркнуть, что Реввоенсовет фронта пошел на беспрецедентный шаг и передал, согласно Положению, право утверждать в должности председателя особого отдела вышестоящему органу — РВС Республики, оставив себе аналогичное право в отношении руководителей армейских особых отделов. На практике такое решение должно было привести к значительно большей свободе действий osobистского начальства по сравнению с теми, кто возглавлял другие фронтовые и армейские структуры⁸.

Вскоре РВС утвердил и временные штаты особого отдела фронта, армии и контрольных пунктов. Сопоставление новых штатов фронтового особотдела с ранее существовавшими чрезвычайной комиссией и отделом военного контроля показывает, что общее количество сотрудников уменьшилось с 276 до 116 человек⁹. Это позволило сконцентрировать наиболее пригодных для оперативно-розыскной и следственной работы коммунистов и очистить ряды от тех, кто злоупотреблял своим положением,

халатно относился к делу и, по оценке Бруно, "своим мародерством и предательством в большей мере способствовали созданию донского белогвардейского фронта"¹⁰.

На основе указаний председателя особого отдела Бруно создаются и особые отделы входящих в состав фронта армий. Базовым аппаратом там также явились армейские чрезвычайные комиссии. Хотя сами ЧК существовали менее месяца и не были в должной степени укомплектованы, однако под прямым руководством политотделов и реввоенсоветов активно проявляли себя в борьбе с контрреволюционными элементами в войсках и армейских тылах. Отделения военного контроля также находились в стадии становления и основные усилия направляли на разведку в занятых белыми районах. Их работа объективно не могла в тот период дать значимых результатов ввиду неустойчивости фронта, маневренного характера деятельности войск, задержке в передаче информации от зафронтных источников. К тому же отделения военконтроля самоизолировались от политотделов и даже частично от реввоенсоветов¹¹. Вполне естественно, что реввоенсоветы армий сориентировались на армейские ЧК и фактически распустили отделения военного контроля, взяв лишь отдельных сотрудников на укомплектование особых отделов.

Что касается Восьмой армии, то особый отдел создавался там несколько позднее, уже в январе 1919 года, и практически на пустом месте. Отделение военного контроля было крайне слабым. Произведенная в начале ноября 1918 года замена руководителя — бывшего полковника на коммуниста успеха не принесла, вскоре последнего арестовали по постановлению реввоенсовета армии за различные нарушения и развал работы. В докладе комиссии по ревизии органов военного контроля говорилось: "Дело здесь совершенно не было поставлено... В результате ни одного задержанного шпиона. Самые сложные дела залеживались по неделям. Необходимо было распустить старый аппарат, сменить весь состав..."¹².

2 декабря 1918 года создается особый отдел Восьмой армии¹³. Костяк его составили 13 рабочих-коммунистов, мобилизованных на фронт в подмосковном селе Раменское, не имевшие, естественно, и понятия об оперативно-розыскной деятельности. В одном из отчетов в ВЧК в конце марта 1919 года заведующий особым отделом армии отмечал, что новый персонал

приступил к работе при отсутствии какой-либо преемственности — стопроцентная смена личного состава сказывалась еще несколько месяцев. Контрольные пункты при дивизиях пришлось вообще ликвидировать, поскольку во главе их оказались уголовные элементы¹⁴.

Лучше обстояло дело в Астрахани, где размещался штаб Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта. Здесь действовала общefронтная ЧК, которой подчинялись все чрезвычайные комиссии в зоне ответственности фронта¹⁵. Реввоенсовет отдела фронта, получив указание от РВС Южного фронта, 7 декабря 1918 года издал приказ, в котором говорилось следующее: “Для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в пределах Астраханской и Ставропольской губерний, Дагестанской, Терской и Кубанской областях, в районах действия Одиннадцатой и Двенадцатой армий и Астраханско-Каспийской флотилии учреждается при РВС Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта особый отдел”. Заведующим особым отделом утвердили председателя фронтовой ЧК К. Я. Грасиса¹⁶.

Согласно приказу РВС Республики от 8 декабря 1918 года был образован самостоятельный Каспийско-Кавказский фронт. В этот же день РВС фронта принял Положение о фронтовом особом отделе. Так же, как и в аналогичном документе РВС Южного фронта, перед особым отделом ставилось три основных задачи: борьба с контрреволюционными элементами, борьба со шпионажем и разведка в тылу противника. Дополнительно особому отделу предлагалось организовать противодействие должностным преступлениям и их расследование. Штат отдела разрабатывался, согласно Положению, заведующим с последующим утверждением Реввоенсоветом. Отдел военного контроля и морской военно-контрольный отдел вошли в новую структуру на правах подразделений.

Во втором параграфе Положения отмечалось, что на базе отделений военконтроля и армейских ЧК создавались особые отделы при соответствующих реввоенсоветах с оперативным подчинением фронтовому органу. Заведующие армейскими особыми отделами должны были назначаться РВС фронта. Общий штат сотрудников определялся в 93 человека, включая 20 агентов внутреннего и наружного наблюдения и 20 лазутчиков для разведработы¹⁷.

Особый отдел с первых дней своего существования развил активную деятельность, опираясь на указание ЦК РКП(б) о проведении красного террора на Южном фронте: “Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: победа или смерть”. Выполняя установки высшего партийного органа, заведующий особым отделом К. Я. Грасис не делал различий между коммунистами и бывшими офицерами, что привело к серьезному конфликту с Астраханским губкомом партии¹⁸. В принципе это было столкновение губкома и политотдела фронта с реввоенсоветом, всецело поддерживавшим действия особого отдела. По свидетельству чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе, особый отдел расстрелял некоторых служащих интендантства, обвиненных в хищениях военного имущества. В отделе имелось немало документов, уличающих многих видных работников¹⁹. Особоуполномоченный по руководству политработой на Каспийско-Кавказском фронте и одновременно член губкома Е. Б. Бош доносила в ЦК РКП(б), что указания на истязания в Астраханской городской ЧК и направленность работы К. Я. Грасиса оставались без малейшего внимания реввоенсовета²⁰.

Взаимоотношение особого отдела и реввоенсовета, с одной стороны, политотдела фронта и Астраханского губкома РКП(б), с другой, обострились после получения оперативной информации о назревавшем мятеже мобилизованных солдат, поддерживаемых местными коммунистическими ячейками. “Отдельными партийными как местными, так и приезжими, так называемыми “товарищами”, — отмечал в письме в ЦК председателя РВС фронта А. Г. Шляпников, — велась пропаганда, стремящаяся дискредитировать военных руководителей и штабы Реввоенсовета”²¹. Особый отдел принял превентивные меры, направленные на недопущение мятежа. Всего было арестовано 247 человек, из коих 217 отпущено до суда после предварительного разбирательства²².

И тем не менее руководимая Е. Б. Бош астраханская городская партийная конференция приняла решение арестовать заведующего особым отделом фронта К. Я. Грасиса и его сотрудников, поскольку его действия якобы “питают контрреволюцию”²³. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, узнав о серьезных трениях, направили в РВС фронта и губком телеграмму, в которой писали: “Конфликт с партийным комитетом недопустим. Примите

меры к дружной и согласованной работе”²⁴. Однако К. Я. Грасис уже был арестован городской ЧК. Чтобы избежать эскалации конфликта, РВС фронта отстранил его от должности заведующего особым отделом в обмен на освобождение и передачу под свою ответственность для направления в Москву²⁵.

С арестом в январе 1919 года К. Я. Грасиса и других ответственных сотрудников организационное строительство фронтового и армейских особых отделов практически было остановлено. А уже 11 марта приказом РВС Республики Каспийско-Кавказский фронт был расформирован, а войска переданы на формирование Одиннадцатой отдельной армии, где особый отдел создавался практически заново.

¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 45. Л. 4.

² Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов. М., 1960. Т. 1. С. 466.

³ РГВА. Ф. 24394. Оп. 1. Д. 2. Л. 115.

⁴ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 78. Л. 29.

⁵ РГВА. Ф. 24394. Оп. 1. Д. 2. Л. 128.

⁶ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. М., 1922. С. 69.

⁷ РГВА. Ф. 24394. Оп. 1. Д. 2. Л. 153. В официальных документах новый орган именовался как “Особый отдел по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, преступлениями по должности, спекуляцией и отдел разведки” // Там же. Ф. 100. Оп. 2. Д. 51. Л. 108.

⁸ В соответствии с приказом по армиям Южного фронта от 6 января 1919 года председатель особого отдела Бруно одновременно утверждался заместителем председателя революционного военно-полевого трибунала Южного фронта // Там же. Л. 66.

⁹ При подсчете автором не учитывалось количество командиров и красноармейцев комендантских рот, штат которых устанавливался отдельно.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 78. Л. 24.

¹¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16. Л. 21.

¹² Там же. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 321.

¹³ Восьмая армия была единственной на Южном фронте, где не имелось армейской ЧК.

¹⁴ Архив управления ФСБ РФ по Омской области. Личное дело заведующего особым отделом Восьмой армии И. Я. Жилина.

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 6. Л. 334.

¹⁶ Там же. Л. 339–340.

¹⁷ Там же. Л. 341–342.

¹⁸ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917–1920 гг.). М., 1967. С. 98.

¹⁹ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 92.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 70. Л. 17.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 702. Л. 71.

²² Там же. Л. 73.

²³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 379.

²⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 11. Л. 7. Специальная комиссия ЦК РКП(б), разбиравшая конфликт, пришла к выводу о неправильных действиях обеих сторон. Шляпников и Бош были отозваны из Астрахани. Одновременно Грасис перевели на Восточный фронт, и больше в особых отделах он не работал.

М. Н. ПЕТРОВ,

доктор исторических наук, профессор.
Новгородский государственный
университет

ДОКУМЕНТЫ МЕСТНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВЧК

Источниковой базой при изучении истории формирования и деятельности местных органов ВЧК являются многочисленные документы, хранящиеся в областных архивах — государственных, бывших партийных и ведомственных (управлений ФСБ и МВД РФ). Их массив типичен для разных регионов, учитывая строго централизованную систему советского государственного управления и партийного руководства, а также принципы комплектования архивных фондов. Примером могут служить материалы архивохранилищ Северо-Запада России, относящиеся к декабрю 1917 — февралю 1922 года.

Петроградская, Новгородская и Псковская губернии имели традиционные, исторически сложившиеся связи, что учитывалось в ходе административных делений. Объединительные начала отмечали и работу органов госбезопасности. ВРК при Петросовете руководил подавлением первых контрреволюционных выступлений в городах и уездах Северо-Запада. Созданная в Петрограде ВЧК приняла первоначальные меры по формированию чрезвычайных комиссий в регионе. Эту линию продолжила ЧК при Совете комиссаров Союза коммун Северной области. Петроградская ЧК через иногородний отдел продолжила координацию действий чекистских подразделений. В июле 1921 года было образовано Полномочное представительство ВЧК в Петроградском военном округе с подчинением ему губернских чрезвычайных комиссий, особого отдела округа, транспортных ЧК и войск ВЧК.

При изучении истории формирования местных органов ВЧК особо информативны материалы фондов исполкомов регионального, губернских и уездных советов, отделов юстиции и управления¹, губернских и уездных комитетов РКП(б)². Деятельность подразделений безопасности раскрывают фонды ЧК Союза ком-

мун Северной области, губернских и некоторых уездных чрезвычайных комиссий³, а также фонды губернских революционных трибуналов⁴. Ведомственные архивы содержат массив дел по обвинению в контрреволюционных и должностных преступлениях, спекуляции и бандитизме, входивших в компетенцию ВЧК и решенных в судебном и внесудебном порядке. Документы представлены в подлинниках и отпусках, как правило, машинописные и хорошей сохранности. Если даты на них не обозначены, то они устанавливаются по сопроводительным письмам, смежным документам и по событиям, упоминаемым в тексте.

Архивные материалы отражают как общие тенденции, имеющие место по стране в целом, так и региональные особенности. В частности, анализ политической обстановки послеоктябрьских месяцев, проведенный на основе архивных материалов, убедительно свидетельствует, что создание ВЧК явилось закономерным этапом советского государственного строительства и Комиссия стала первым специализированным органом госбезопасности. Около полугода шел поиск организационных форм. Фонды исполкомов местных советов содержат сведения о том, что первоначально функции борьбы с контрреволюционными силами выполняли отделы по борьбе с контрреволюцией исполкомов или подотделы отделов управления, чрезвычайные комиссии при районных советах Петрограда, которые по сути на роль государственной спецслужбы претендовать не могли.

В фонде Островского уездного исполкома сохранилось “Положение о борьбе с контрреволюцией и анархией в Псковской губернии”, принятое выехавшим из оккупированного Пскова губисполкомом 9 марта 1918 года⁵ и оставшееся небезынтересным правовым проектом. В Положении определялись деяния, относимые к контрреволюционным: восстания против советской власти, покушение на жизнь членов исполкомов и чрезвычайных штабов по борьбе с контрреволюцией и анархией, черносотенная агитация, взяточничество, саботаж, спекуляция и хранение оружия. Всем советам вменялось в обязанность в течение десяти дней организовать временные чрезвычайные военно-революционные суды и чрезвычайные штабы по борьбе с контрреволюцией и анархией и укомплектовать их кадрами, преданными “революции и социализму”. Штабы обязывались собирать информацию о преступлениях и передавать аресто-

ванных судам; они наделялись правом кассации судебных решений, но "ни в коем случае" не могли вмешиваться в работу судов. Подозреваемые с обвинительными материалами и вещественными доказательствами препровождались из волостей в уездные чрезвычайные суды; в компетенцию обычных судебных учреждений в Дно, Новосokolьниках и Сольцах дела этой категории не входили. Определялись меры судебного наказания лиц, "ответственных за перечисленные преступления", в зависимости от их материального положения — от конфискации имущества за исключением предметов первой необходимости и высылки из пределов губернии до "отсылки в Кронштадт" на тяжелые крепостные работы "с объявлением вне закона". Суды же принимали жалобы на действия сотрудников штабов и направляли для решения в чрезвычайный военно-революционный суд при губисполкоме, который был вправе применить к виновным указанные меры наказания.

Как известно, решающий толчок к повсеместной организации чекистского аппарата дала I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, работавшая в Москве в июне 1918 года. Скудную опубликованную информацию дополняют хранящиеся в архивах рекомендации конференции о структуре, специализации и направлениях оперативной деятельности губернских и уездных ЧК. Там же содержится значительная фактура о процессе создания чрезвычайных комиссий. По инициативе губисполкомов в июле и августе 1918 года состоялись губернские конференции чрезвычайных комиссий, принявшие нормативные документы и преобразовавшие отделы исполкомов в самостоятельные ЧК. К ноябрю того же года на Северо-Западе России сложилась сеть чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, имевших единообразную структуру, располагавших вооруженными силами от отряда до полка.

Исключительно на базе архивных материалов возможно исследовать истинную подоплеку реорганизации чекистских органов в январе 1919 года, внешне заключавшуюся в упразднении уездных ЧК. Несколько месяцев длилась дискуссия о необходимости существования и круге обязанностей органов ВЧК, их роли и месте в системе государственного управления страной, выявившая различные точки зрения. Протесты вызывало особое положение чрезвычайных комиссий, их широчайшие полномочия от проведения оперативных мероприятий до

права вынесения и приведения в исполнение внесудебных приговоров, ужасы режима красного террора, жестокость карательных отрядов в подавлении крестьянских выступлений. Проведенная централизация аппарата в губернских городах, устранение скомпрометировавших себя лиц, создание агентурной сети, установление месячного срока для расследования с передачей законченных дел в реорганизованные революционные трибуналы, проверка следственных действий комиссий явились глубинной сутью реформы и в целом сыграли позитивную роль в становлении органов госбезопасности на начальном этапе их существования.

Достаточен документальный материал о последующих организационных изменениях в местных чекистских подразделениях по пути специализации (создание особых отделов губернских ЧК, участковых и районных транспортных комиссий, особых пограничных отделений охраны границы и пограничных пропускных пунктов, уездных политбюро и пр.). Анализ основных направлений деятельности органов ВЧК делает очевидным вывод об отношении правящей верхушки к органам безопасности как одному из столпов режима, обязанного контролировать политическую и экономическую обстановку, настроения всех слоев населения и принимать оперативные меры против малейших попыток изменить советскую систему управления.

В первый год существования ВЧК начала проявляться тенденция, стремительно превратившаяся в норму деятельности органов госбезопасности, — тенденция к их подчинению не государственной власти, а правящей партии. Переломный момент во многом связан с июльскими событиями и устранением левых эсеров из органов управления и ВЧК, весьма полно обоснованный документально. Подбор и расстановка председателей губчека, начальников отделов и оперативных работников стали осуществляться комитетами РКП(б). Складываются основные методы партийного руководства органами ВЧК, убедительно раскрываемые на основе хранящихся в бывших партархивах протоколов конференций, пленумов, бюро с отчетами руководителей комиссий об исполнении принимаемых решений и постановкой задач политического характера. Достаточно фактов прямого вмешательства партийных комитетов в оперативную работу вплоть до определения меры наказания подозреваемым. Отметим прямое участие райкомов РКП(б) Петрограда в проведении расстрелов в ходе красного террора.

Анализ комплекса архивных документов позволяет утверждать, что с начала 1919 года преобладающее влияние на чрезвычайные комиссии стали оказывать не советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а комитеты коммунистической партии, взявшие органы ВЧК под неослабный политический контроль.

Политика РКП(б) по отношению к органам ВЧК концентрированно формулировалась в одной фразе из Обращения ЦК к коммунистам-чекистам в феврале 1919 г.: "ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и под ее контролем".

Изучение списков сотрудников органов ВЧК и личных дел руководящих работников детализирует состав чекистских кадров по возрасту, образованию, партийному и служебному стажу, гражданской специальности, национальности. Ведущие должности занимали члены РКП(б), мобилизуемые партийными комитетами, связанные партийной дисциплиной, безоговорочно проводившие в жизнь партийные директивы. Однако эти кадры имели низкий общеобразовательный уровень и совсем не обладали юридической подготовкой и квалификацией. (Даже в центральном аппарате ОГПУ в мае 1924 года работали лишь девять юристов, или 0,3 процента сотрудников). Постигание азов специфической секретной службы исключительно на практике, без теоретической подготовки, при отсутствии кодифицированного законодательства и обилии правительственных декретов и местном нормотворчестве приводило к неквалифицированному расследованию и определению степени виновности.

Следует подчеркнуть, что в период ВЧК партийные, советские и вышестоящие чекистские учреждения, как правило, контролировали работу органов безопасности и могли воспрепятствовать вынесению несправедливых решений. В фондах губернских комитетов РКП(б) сохранились материалы расследований межведомственными комиссиями фактов нарушения сотрудниками органов ВЧК требований декретов, применения ими незаконных методов ведения следствия, необоснованных арестов и обысков. Виновные в нарушении складывавшейся законности и лица, использовавшие положение сотрудника чрезвычайной комиссий в личных целях, несли наказание от увольнения из органов и отправки на фронт до расстрела. Комплекс документов партийного расследования с участием ВЧК харак-

теризует, например, действия Новгородского губернского комитета РКП(б) по пресечению нарушений законности председателем губчека А. Н. Медведевым⁶.

Информативным источником истинного состояния оперативной обстановки на обслуживаемых территориях являются письменные и цифровые отчеты чрезвычайных комиссий и сводки о политическом положении, направленные в советские и партийные учреждения. Они позволяют или полнее представить накал борьбы противостоящих сил в годы Гражданской войны, или опровергнуть устоявшиеся представления. Так, анализ восьмисот анкет из волостных советов, поступивших в комиссариат по внутренним делам Союза коммун Северной области в марте—октябре 1918 года, свидетельствует, что определенную антисоветскую окраску имело в среднем не более чем каждое восьмое выступление крестьян региона, а остальные отражали неприятие сельскими тружениками продовольственной политики "военного коммунизма"⁷. Нет оснований объединять их понятием "кулацкие контрреволюционные мятежи" и твердить о якобы неучастии в них "широких крестьянских масс".

Зачастую архивно-следственные дела перекрещиваются с иными данными, что повышает признаки их достоверности. Например, комплекс решений военно-революционного комитета в следствии Новгородской губчека, дополненный свидетельством окружного благочинного в епархию, характеризует действия карательного отряда при подавлении волнений крестьян Левочской волости в декабре 1918 года⁸.

Новгородская губчека за первые полгода существования возбудила более полутора тысяч дел, из них по признакам контрреволюционных действий составляли менее пятой части, а большинство — по спекуляции и уголовным преступлениям. Не случайно при весенней 1919 года реорганизации губернских ЧК вместо ранее существовавших отделов по борьбе с контрреволюцией, со спекуляцией и с преступлениями по должности стал действовать единый секретно-оперативный отдел, сосредоточивший внимание на крупных преступлениях, с передачей уголовных дел милиции. В результате количество дел, возбужденных губернскими ЧК, уменьшилось по крайней мере в два раза. Прифронтовая Псковская губчека в 1919 году при крайне сложной оперативной обстановке возбудила до полутора тысяч дел; после прекращения или передачи в суды и трибуналы кол-

легия ЧК приняла решение по 459 делам. К расстрелу были осуждены более ста контрреволюционеров и бандитов, два десятка человек — к различным срокам заключения; остальные — к штрафу, общественным принудительным работам, запрещению занимать определенные должности и т. д.⁹

Нет оснований говорить о значительном и всеобъемлющем аппарате чрезвычайных комиссий. В указанный период в той же Псковской губчека оперативную работу вместе с членами коллегии вели 47 человек. Секретно-оперативный отдел Петроградской ЧК состоял из трех руководителей подразделений, 19 комиссаров и 12 разведчиков. Практикой стало финансирование комиссий местными советами в счет фондов ВЧК по весьма низкому показателю¹⁰.

В условиях войны совершенствовались методы работы секретной службы, как открытые, опиравшиеся на вооруженную силу, так и негласные, опиравшиеся на агентурные разработки. Весьма детальные инструкции получили агенты по наружному наблюдению, была разработана система осведомления и передачи информации куратору от внедренной в подпольные организации и уголовные банды штатной агентуры (разведчики) и секретных сотрудников из «враждебной среды»; приняли инструкцию о членах РКП(б), находящихся на службе в комиссиях в качестве секретных сотрудников¹¹. Коммунисты-агенты никакого дополнительного вознаграждения, кроме заработка по официальному месту работы, не получали. Они предназначались в основном к работе «среди антисоветских партий».

Архивные данные отражают происходившие перемены в главных направлениях и методах работы органов ВЧК по окончании Гражданской войны, их структуре и кадровом составе, явившиеся основой перехода от «чрезвычайщины» к конституционным органам госбезопасности с их включением в государственную систему управления страной.

Таким образом, материалы, хранящиеся в провинциальных архивах, дают весьма достоверные данные о формировании и деятельности органов ВЧК. Подавляющее большинство из них находятся на постоянном открытом хранении и доступны исследователям. На основе материалов рассмотренных северо-западных архивов в последние годы опубликованы книги и статьи¹².

Однако без обращения к Центральному и местным архивам ФСБ РФ сохранился недосказанность. Ряд известных по пуб-

ликациям в периодической печати того времени дел по сути не введены в научный оборот, в том числе по организациям «Все для родины», «Союз реальной помощи», «Белый крест», «Общество помощи нуждающимся офицерам», «Союз георгиевских кавалеров», «Объединенная офицерская организация», «Тактический центр», «Национальный центр», «Великая единая Россия», «Народный союз защиты родины и свободы», «Петроградская боевая организация», иностранным резидентурам. Синтез уголовно-следственных дел с сопутствующими данными из центральных и местных архивохранилищ, а также опубликованными источниками позволяет провести всестороннее и объективное исследование и за частностью увидеть общие тенденции в деятельности чекистских органов¹³. В многочисленных публикациях по истории российских политических партий продолжает оставаться «белым пятном» активная чекистская работа по внутреннему разложению партий социалистов-революционеров, социал-демократов, анархистских групп и пр. Требуется ясности взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви и роль органов ВЧК в церковном расколе.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Ф. 2, 47, 54, 55, 100, 103, 104, 117, 142, 143, 151, 171, 512, 1000; Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 213, 215, 216, 217, 218, 219, 269, 277, 278, 735, 822, 1593, 2662; Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 286, 530, 532, 590, 608, 872.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПДСПб). Ф. 1, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 15, 16, 522, 806, 1515, 1561, 1603, 1605, 1620, 1635, 1817, 1842; Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО). Ф. 1, 51, 69, 80, 91, 103, 107, 115; Государственный архив новейшей политической истории Псковской области (ГАНПИПО). Ф. 1, 9, 70, 100, 109, 128, 5713, 6075.

³ ЦГАСПб. Ф. 8080, 8098, 9439; ГАНО. Ф. 1747; ГАПО. Ф. 827.

⁴ ЦГАСПб. Ф. 2411; ГАНО. Ф. 1558; ГАПО. Ф. 626.

⁵ ГАПО. Ф. 532. Оп. 1. Д. 6. Л. 72.

⁶ ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 91–97; Д. 307. Л. 18–19, 25.

⁷ ЦГАСПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–5.

⁸ Архив управления ФСБ РФ по Новгородской области (АУФСБНО). Д. 1/5441. Л. 1–43; ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. Л. 59.

⁹ ГАНО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 42. Л. 26; ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 334. Л. 66–67; Оп. 2. Д. 34. Л. 1–4.

¹⁰ ЦГАСПб. Ф. 8098. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–26.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–9; Архив управления внутренних дел Новгородской области (АУВДНО). Д. 1830. Л. 274–278; ГАПО. Ф. 532. Оп. 1. Д. 54. Л. 6; ГАНПИПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 87. Л. 55.

¹² Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. М., 1986; Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987; Петров М. Н. Хранить вечно: Их истории борьбы с контрреволюционными выступлениями на Новгородчине. Л., 1987; Его же. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). НовГУ, 1995 и др.

¹³ В частности, по операции ВЧК “Вихрь” см.: Архив управления ФСБ РФ по Псковской области (АУФСБПО). Д. С-9416. Л. 1–447; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 19222. Л. 1; Ф. 5. Оп. 1. Д. 479. Л. 1–9; Ф. 17. Оп. 68. Д. 632. Л. 141; Владимир Ильич Ленин. Биохроника. Т. 10. М., 1979. С. 509–510, 537.

В. Ж. Цветков,

кандидат исторических наук, доцент.
Московский государственный педагогический университет

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ. 1918–1922 ГОДЫ

Белое движение, провозгласив лозунг “восстановления русской государственности”, стремилось к воссозданию структур правоохранительных органов. Представляется целесообразным кратко изложить основные принципы организации и деятельности белогвардейских разведок и контрразведок, исходя из территориального и хронологического признаков с момента зарождения движения до его окончания.

В Сибири структуры контрразведки сформировались в мае 1918 года. Их основой стали разведотделы подпольных антибольшевистских организаций в Томске (“Белый легион”), Барнауле, Омске, Иркутске, Чите, Владивостоке и других городах, созданные в декабре 1917 – январе 1918 года. Общее руководство подпольем осуществлял подполковник А. Н. Гришин (Алмазов). После падения советской власти в Сибири функции контрразведки стал выполнять созданный в Омске “Отдел военного контроля”, который возглавил чешский капитан И. Заичек. Не имея представления о работе в местных условиях, Заичек назначил своими заместителями бывших начальников Томского и Омского жандармских управлений. Летом были организованы пункты “Отдела” в Томске, Иркутске, Красноярске, Бийске, Новониколаевске и Семипалатинске¹. Однако данные органы стали активно вмешиваться в политику, поэтому в декабре 1918 года структура их была упорядочена и статус понижен до уровня рядового отделения при штабе Сибирской армии.

С января 1919 года сформировалась иерархия контрразведывательных органов армии Колчака. В противовес традиции, сложившейся в России, контролировала их работу не генерал-квартирмейстерская часть Ставки, а контрразведыва-

тельная часть Осведомительного отдела Главного штаба. Задачам Осведотдела соответствовала его структура с разделением на четыре управления: информационное, разведывательное, военно-цензурное и контрразведывательное. Последнее занималось собственно контрразведкой и его возглавил генерал-майор В. А. Бабушкин. Управление контролировало Центральное отделение военной контрразведки и Центральное регистрационное бюро. Осведотдел контролировал и деятельность контрразведывательного отдела Ставки Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака; отдел Ставки возглавлял бывший жандармский полковник Н. П. Злобин.

В мае 1919 года начались реорганизации. Осведотдел был расформирован и несвойственные контрразведке функции политического контроля были переданы Осведомительному отделу Верховного Правителя России (Осведверх), куда перешли три управления. Управление генерала Бабушкина включалось в контрразведку Ставки, которой по-прежнему руководил полковник Злобин. Благодаря слиянию штаты отдела быстро выросли. В Омске, например, насчитывалось 112 сотрудников контрразведки, из них 43 офицера². Летом в Сибири работали пять армейских контрразведывательных отделений и многочисленные, не поддающиеся учету дивизионные, бригадные, полковые, “отрядные” управления. Но если на уровне армии или корпуса организация контрразведывательного аппарата еще соответствовала утвержденным штатам, то на низовом уровне какая-либо система отсутствовала. Основная причина этого — недостаток должного контроля за появлением новых воинских частей, каждая из которых стремилась к организации при собственном штабе своей контрразведки. В их состав входили уже не профессионалы, а в большинстве строевые офицеры, незнакомые с разведкой. На огромном пространстве Сибири были воссозданы три тыловых военных округа (Омский, Иркутский, Приамурский), каждый из которых имел собственные контрразведывательные структуры. В крупных городах, как правило, работали несколько независимых одно от другого контрразведывательных учреждений, взаимодействие которых проводилось только на уровне личных контактов офицеров. Фронтовые, армейские отделения, равно как и сама контрразведка Ставки, находились в ведении 2-го генерал-квартирмейстера при штабе Верховного Главнокоманду-

ющего генерал-майора П. Рябикова, а отделения контрразведки тыловых округов подчинялись 3-му генерал-квартирмейстеру полковнику П. Антоновичу.

В октябре 1919 года сибирская контрразведка пережила свою последнюю реорганизацию. Примечательная черта всех подобных преобразований в том, что они начинались “сверху”, тогда как упорядочить нужно было бы, в первую очередь, низовые структуры. На этот раз все дело контрразведки перешло в ведение Главного начальника военно-административных управлений Восточного фронта генерал-майора А. Домонтовича³.

Рассматривая контрразведывательные операции, следует отметить их тесное взаимодействие с органами Министерства внутренних дел. Во время восстаний в Енисейской и Иркутской губерниях контрразведка Иркутского военного округа внедряла в ряды повстанцев своих агентов. Под контролем начальника контрразведки ИркВО штабс-капитана Черепанова и начальника контрразведки Иркутска подполковника Булахова составлялись сводки о положении в волостях и уездах, занимаемых восставшими. Создаваемые МВД “отряды особого назначения” координировали свою работу с контрразведкой, получали от нее сообщения о партизанах. Своевременно предоставленная в Ставку информация отдела контрразведки Приамурского военного округа о готовящемся во Владивостоке мятеже чехов и эсеров (мятеж генерала Р. Гайды начался 17 ноября, а доклады контрразведки были датированы 22 октября 1919 года) позволила оперативно подавить путч. Однако в условиях начавшегося отступления и разброда в тылу контрразведка не смогла предотвратить возникновение в Иркутске “Политцентра”, хотя и была осведомлена о его намерениях, что привело в итоге к захвату в плен и гибели самого адмирала А. В. Колчака.

Аппарат сибирской разведки и контрразведки отличался достаточно четкой организацией: на службу привлекались профессионалы — бывшие разведчики и жандармские офицеры. Однако здесь проявились характерные для периода гражданской войны особенности, заключавшиеся в появлении многочисленных контрразведок при отдельных воинских частях, военной цензуре, политическом сыске, контроле над деятельностью партий, профсоюзов и т. д. Бесперывные переформирования контрразведывательных органов, хотя и преследовали цель упорядочения, на деле лишь усложняли, тормозили повседневную работу.

На юге России в апреле 1918 года при штабе Добровольческой армии было сформировано разведывательное отделение, которое возглавил полковник С. Н. Ряснянский.

Под его контролем разведотдел составлял весьма подробные оперативные сводки о составе красных войск Северного Кавказа, Донбасса, Крыма. Разведкой занимались и центры Добровольческой армии, созданные в Харькове, Одессе, Екатеринославе, Чернигове, Полтаве, Херсоне. Начальники контрразведки этих центров собирали важные сведения о положении на Украине, в Крыму, Центральной России. Добровольческие центры опирались на обширные связи среди офицерства и чиновничества⁴.

Киевский центр помимо сбора информации участвовал в создании политических организаций. После установления в Киеве советской власти центру удалось внедрить своих сотрудников в руководящие структуры вплоть до штабов советской украинской армии, губернского военного комиссара и др. Под руководством полковника В. П. Барцевича Киевский центр добился заметных успехов в сборе секретной информации. Активно действовал Одесский центр, в июле 1919 года подготовивший восстание в немецких колониях вокруг города. Восстанием в самой Одессе руководили председатель центра полковник А. П. Саблин и поручик А. П. Марков, работавший в одесской милиции. Отряд милиции под командованием ротмистра Асанова захватил здание Одесской ЧК, и к моменту высадки белого десанта практически весь город контролировался вышедшими из подполья офицерскими отрядами. Харьковский подпольный центр, возглавляемый полковником А. Двигубским, предоставлял обширную информацию о положении Южного фронта. Сам Двигубский весной 1919 года занимал должность помощника командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко. После занятия города белыми Двигубский стал начальником Харьковского центра Разведывательного отделения штаба Вооруженных сил на Юге России⁵.

Но не следует, очевидно, преувеличивать возможности белой разведки, возводя ее на уровень могущественной подпольной организации. Подобные оценки, содержащиеся в некоторых мемуарах, должны быть подвергнуты тщательной проверке. Далеко не такой активной как в Киеве, Одессе и Харькове была работа подпольных антибольшевистских организаций в

Москве — “Тактического центра”, “Национального центра”, “Добровольческой армии Московского района”. Их политический вес и влияние были невелики.

Контрразведка на юге в середине 1918 года сложилась как отдельная структура в аппарате генерал-квартирмейстерской части и не выделялась в самостоятельное ведомство. Генерал-майор Ю. Н. Плющик-Плющевский не имел необходимого опыта работы, поскольку с начала своей военной карьеры занимал строевые должности. Еще одной структурой являлась контрразведка Военного управления, возглавляемая статским советником В. Г. Орловым. В ее задачи входил контроль за организацией контрразведывательных органов, их штатной численностью и кадровым составом. Функции политической слежки и наблюдения осуществлялись Военно-политическим отделом Добровольческой армии, возглавляемым полковником Я. М. Лисовым⁶.

Несмотря на наличие контроля со стороны контрразведки Военного управления, с увеличением численности армии летом—осенью 1919 года рост числа контрразведок стал неуправляемым; они создавались чуть ли не на уровне батальона. Здесь не было профессиональных контрразведчиков и нередко работой занимались совершенно случайные люди. Грубые, жестокие методы подобных офицеров были далеки от закона, вызывали недовольство со стороны немногих профессионалов и особенно местного населения, создавая отрицательное впечатление о белой власти в целом.

Как и в Сибири, контрразведкой занимались органы осведомления, подчиненные Отделу пропаганды (Осведомительное агентство, ОСВАГ). Регулярно составлялись сводки о политическом положении и настроениях населения. Начальник информационной части ОСВАГа полковник В. М. Бек и действительный статский советник Ю. Н. Шумахер составляли особые сообщения о тех или иных политических деятелях, генералах и офицерах белой армии. Подобная “информация наверх” нередко подбиралась так, чтобы отдельные негативные факты особенно выделялись. Так, например, ОСВАГ во многом намеренно выделял в своих донесениях сведения о “разлагающем поведении” командующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского, выдвигая на этот пост генерал-лейтенанта П. П. Врангеля. Примечательны и факты участия в политике профессионального контрразведчика генерал-майора Н. С. Ба-

тюшина. Проживая в 1919 году в Екатеринодаре, он неоднократно пытался с помощью личных контактов и через “Союз русских национальных общин” воздействовать на перемену политического курса денikinского правительства, считая необходимым возврат к “национально-государственным ценностям” и отказ от неоправданного “либерализма”⁷.

Отсутствие эффективного контроля за работой контрразведок, беззакония на уровне низовых структур стали предметом специального доклада председателя Особого совещания генерал-лейтенанта А. С. Лукомского 15 сентября 1919 года. Генерал предложил поставить контрразведку под жесткий контроль Ставки, существенно сократить количество контрразведывательных отделений, а их функции передать уголовно-розыскным управлениям МВД⁸.

Несмотря на недостатки организации многие операции денikinской контрразведки проводились весьма успешно. Из наиболее крупных следует выделить уничтожение штаба “Повстанческой армии” в Крыму, четырехкратную ликвидацию большевистских подпольных комитетов в Харькове и комитетов в Одессе, Николаеве, Киеве летом — осенью 1919 года. По признанию самих подпольщиков, белогвардейская контрразведка работала “профессионально”, “не давая... возможности организовать сколько-нибудь надежные связи”⁹. Агенты контрразведки штаба войск Терско-Дагестанского края предоставляли сведения о готовящихся восстаниях на Кавказе, о сотрудничестве горских повстанцев со спецслужбами Турции и Англии. Были выявлены каналы, по которым большевистское подполье получало информацию, деньги и оружие. Ими являлись в первую очередь многочисленные кооперативные организации, южные отделения “Центросоюза”, имевшего свое управление в Москве¹⁰.

Как и в Сибири, на юге контрразведке приходилось заниматься и политической слежкой, и военной цензурой, и даже уголовно-розыскными операциями. Но профессионалов здесь, в отличие от Сибири, было меньше. Тот же генерал Н. С. Багюшин, возглавлявший весной 1919 года контрразведывательное управление в штабе Крымско-Азовской добровольческой армии и успешно проводивший ряд операций против большевистского подполья, был позднее отстранен от дел и зачислен в резерв чинов Главного командования.

В Крыму контрразведка подверглась серьезному реформированию. После ревизии, проведенной сенатором П. Г. Кальницким, 26 мая 1920 года генерал П. Н. Врангель издал приказ, в соответствии с которым органы контрразведки переименовывались в “наблюдательные пункты” при штабах корпусов и дивизий, а мелкие структуры упразднялись. Приказом от 8 июля 1920 года вводился “прокурорский надзор за производством дознаний по делам о государственных преступлениях”. Руководство разведкой и контрразведкой в Крыму осуществлялось Особым отделом штаба Главкома, который возглавлял генерал-лейтенант Е. К. Климович, бывший директор Департамента полиции МВД. Под его руководством крымская контрразведка провела несколько успешных операций. Практически было ликвидировано подполье в городах и повстанцы отступили в горы, разрабатывалась информация о взаимодействии иностранных контрразведок и эмигрантских политических организаций, о попытках внедрения советских разведчиков через крымские кооперативы, органы местного самоуправления, “Красный крест”¹¹.

На Севере, во время пребывания здесь антибольшевистских правительств (с весны 1918 года до весны 1919), аппарат контрразведки возглавлял начальник военно-морского контроля коллежский ассессор М. К. Рындин. Было проведено несколько серьезных операций совместно с контрразведкой английского экспедиционного корпуса, в том числе раскрыты подпольные ячейки в гарнизонах Архангельска и Мурманска¹².

В Приморье летом—осенью 1922 года аппарат контрразведки объединили с аппаратом министерства внутренних дел. Руководство осуществлял генерал В. А. Бабушкин. По его инициативе стали создаваться местные осведомительные органы, в работе которых активно участвовало население и учреждения местного самоуправления¹³. Подобная “опора на общественность” была новой в практике контрразведки и в границах небольшой территории вполне оправданной.

Исследование работы разведки и контрразведки белогвардейских правительств дает достаточно интересные примеры организации этих структур в условиях разлаженного государственного аппарата и работы в сложной военной обстановке.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 8, 22.

² Там же. Л. 5; ГАРФ. Ф. 148. Оп. 6. Д. 23. Л. 1.

³ Там же. Ф. 147. Оп. 9. Д. 35. Л. 9; ГАНО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л.

15.

⁴ Деятельность Таганрогского центра Добровольческой армии. 1918—1919 гг. // Белый архив. Кн. 2—3. Париж, 1928. С. 134—136; Вестник первопоходника. 1962. № 13. С. 1; № 14. С. 1—3; № 15. С. 1—3.

⁵ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 108. Л. 16—27; РГВА. Ф. 919/33988. Оп. 3. Д. 27. Л. 493—496; Доклад о деятельности Киевского центра Добровольческой армии // Белый архив. Кн. 2—3. С. 119—132.

⁶ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 103. Л. 49—51; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1923. С. 148—149.

⁷ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34а. Л. 98—99; Станичник. Екатеринодар. 1919. 24 августа.

⁸ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 56. Л. 65; Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 193—194.

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 369. Л. 34; Летопись революции. 1925. № 1(10). С. 10; 1926. № 2(17). С. 4, 19, 29.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 35—36; Ф. 879. Оп. 1. Д. 7. Л. 62; Летопись революции. 1926. № 3—4 (18—19).

¹¹ Врангель П. Н. Воспоминания // Белое дело. Т. 6. Берлин, 1928. С. 98; Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 233—234.

¹² Вестник правительства Северной области. 1919. 3 сентября, 16 октября.

¹³ Вечер. Владивосток. 1922. 21 августа.

НЕИЗВЕСТНАЯ ТАЙНАЯ ВОЙНА, ИЛИ ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ВЧК ПРОТИВ 2-го ОТДЕЛА ГЕНШТАБА ПОЛЬШИ

В истории отечественных спецслужб имеется немало так называемых “белых пятен”. К таким неизвестным страницам истории органов госбезопасности относится участие ВЧК в советско-польской войне. Нет ни одной работы о противостоянии Особого отдела ВЧК и 2-го отдела Генерального штаба Польши. Эта тайная война неизвестна не только научной общественности, но даже преподавательскому составу учебных заведений ФСБ. Возможно, историки еще с довоенных лет не хотели заниматься этой темой, зная нелюбовь И. В. Сталина к польской войне, возможно, были и другие причины.

Изучая уголовные дела на бывшую польскую агентуру, участников “Польской организации войсковой” как основной источник, дела репрессированных чекистов, в которых отмечены какие-либо эпизоды их деятельности в войне, а также многочисленные материалы секретного делопроизводства — письма, доклады, записки, телеграммы, сообщения, приказы, распоряжения, инструкции, циркуляры — приходишь к выводу, что эта тема важная и необыкновенно интересная.

В этой войне, может быть, впервые в истории спецслужб, была осуществлена массовая перевербовка польских разведчиков с их использованием не в качестве секретных агентов (обычная практика в таких случаях), а как кадровых сотрудников ВЧК. Они тут же включились в тайную войну со 2-м отделом Генштаба Польши, одерживая одну победу за другой. Многие из них верой и правдой служили тоталитарному режиму и пали в годы Большого террора. Ф. Э. Дзержинский докладывал В. И. Ленину об успехах операции, а начальник польской разведки, то есть 2-го отдела, “двуйки”, полковник Матушевский — об измене своих разведчиков главнокомандующему маршалу И. Пилсудскому. Именно перешедшие на сторону большевиков поляки спасли штаб М. Н. Тухачевского и его самого от пленения в районе Минска¹.

Советско-польская война началась 25 апреля 1920 года, и уже 8 мая поляки заняли Киев. В этот период в тылу советских войск довольно успешно действовало большое количество партизанских отрядов, состоявших из местного польского населения, членов "Польской организации войсковой" (ПОВ), во главе которых находились офицеры 2-го отдела Генерального штаба. ПОВ начали создавать нелегально еще в 1914 году, и к моменту решающей борьбы за независимость Польши она представляла разветвленную военно-офицерскую организацию. ПОВ действовала подпольно во многих городах Украины, Белоруссии и России, там, где проживало много поляков. Партизаны взрывали мосты и железнодорожное полотно, пускали поезда под откос, портили связь, нападали на красноармейские части, занимались разведкой как в прифронтовой полосе, так и в глубине советском тылу. Только в мае польские диверсанты уничтожили около двадцати заводов и складов².

Польские агенты проникли в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии, в Управление южных железных дорог, в другие штабы и военные учреждения. Командир красных инструкторских курсов Тригар являлся руководителем нескольких польских отрядов в районе Минска — Борисова. Один из его помощников по партизанской линии Зенкевич служил в Минской ЧК. Своих людей поляки имели в особых отделах 15-й и 16-й армий³.

В циркулярных письмах и приказах ВЧК требовала как можно скорее очистить тыл от вражеских агентов. На Западном фронте для усиления чекистских органов она направила лучших своих сотрудников. На борьбу с партизанами были брошены десятки батальонов войск ВЧК. Особый отдел ВЧК для пресечения подрывной и разведывательной деятельности разведки противника создал несколько специальных оперативно-чекистских групп во главе с особоуполномоченными ВЧК А. Х. Артузовым, Р. А. Пиляром, Я. С. Аграновым и другими⁴. Здесь, на Западном фронте, совершенствовались оперативное мастерство многие чекисты, которые вскоре вступили в "игру" с Б. В. Савинковым, С. Рейли и другими.

Именно с советско-польской войны ВЧК начала поиск новых форм и методов чекистской деятельности, сделав упор на агентурно-оперативную работу. Период засад и облав, неоправданных многочисленных арестов, взятия заложников уходил в

прошлое. Хотя следует отметить, что заложничество в советско-польской войне оставалось и даже широко практиковалось. Руководство ВЧК признало, что без изменений форм и методов будет очень трудно выполнить возложенные на нее функции. В изданных приказах ставились задачи по информационно-осведомительной службе и указывались объекты оперативного обслуживания. Работа с агентурой становилась основной в чекистских органах, что знаменовало начало периода борьбы умов и интеллекта.

Оперативно-чекистские группы Особого отдела и войска ВЧК успешно и плодотворно работали на Западном фронте. Прифронтовая полоса была почти очищена от повстанческо-партизанских отрядов, чекисты арестовали большое количество польской агентуры и членов ПОВ. Только в Киеве было арестовано около двухсот человек, среди них — тридцать руководящих работников Польской организации войсковой, и изъяты шпионские сведения о дислокации частей Красной Армии. В Одессе ликвидировали организацию ПОВ, насчитывавшую свыше ста человек и поддерживавшую связи с Врангелем и Румынией. Филиалы ПОВ были выявлены и уничтожены в Харькове, Житомире, Минске, Смоленске и других городах⁵.

В июне 1920 года в Особом отделе ВЧК из разных источников появились сведения, что в Москве находится и активно действует главный резидент 2-го отдела. Через некоторое время чекисты узнали его фамилию и установили конспиративную квартиру в Хлебном переулке. Игнатий Добжинский, так звали этого человека, вскоре понял, что находится под наблюдением. Он предупредил своих людей и хотел бежать из Москвы, но был арестован на квартире у знакомых. Резидент пытался застрелиться, но был схвачен за руку Ф. Я. Каринным. (Это тот Карин, которому начальник ИНО ГУГБ А. Х. Артузов в аттестации 14 мая 1934 года записал: "Считаю т. Карина в первом десятке лучших организаторов-разведчиков СССР". Это он, Карин, работая в Разведывательном управлении Генштаба Красной Армии, готовил "Рамзая", Зорге к миссии в Японии).

Нужно отметить, что при арестах молодые польские разведчики отстреливались и живыми не сдавались. Игнац Добжинский, псевдоним "Сверш", поручик, бывший резидент разведплатушки "двуйки" в Восточной Пруссии и Литве, до этого руководивший рабочими в Сувалках и Гродно, поднявший восстание

против немцев, стал первым крупным руководителем, кого сотрудники ВЧК захватили живым. Судьба всей польской военной разведки теперь зависела от его показаний или молчания.

Много дней и ночей Артузов, Пиляр и Менжинский допрашивали Добжинского, члена ППС, активного участника кружков и военизированных союзов с 1912 года, где он нелегально получил военное образование. Бывший студент историко-филологического и философского факультетов Московского университета, в котором профессор философии Чепурнов души не чаял, знаток музыки и поэзии, сам писавший прекрасные стихи, не выдавал своих идейных товарищей и видел выход из создавшегося положения в самоубийстве. Артузов доходчиво и спокойно доказывал, убеждал, что такое малодушие недостойно революционера, а Пиляр, чтобы не попасть в плен полякам, стрелявший себе в сердце, но чудом спасшийся, кричал на него, хватался за револьвер, требуя показаний о разведывательной работе. И тут в судьбу Добжинского вмешался сам председатель ВЧК. Ф. Э. Дзержинский предложил через Артузова такое условие: идейных пилсудчиков ВЧК судить не будет, а позволит им уехать в Польшу под честное слово прекратить разведывательную работу против большевиков. На таких условиях Добжинский начал давать показания⁶.

Освобожденный из тюрьмы, он и польский коммунист Э. В. Рожен-Маковский отправились в Петроград и уговорили В. С. Стецкевича, резидента "Вика", сдать Особому отделу ВЧК. У Стецкевича брат — коммунист недавно погиб на фронте и он, не долго думая, согласился прекратить подрывную деятельность против советской власти, являясь с повинной, но тоже долго не хотел сдавать свою резидентуру⁷.

Затем Добжинский, переименовавший фамилию на Сосновского, в составе специальной оперативно-чекистской группы Особого отдела ВЧК посетил Киев, Житомир, Харьков, Смоленск, Минск и ряд других городов, где было захвачено большое число польских агентов и членов Польской организации войсковой. Дзержинский, как указал в одном из документов Артузов, выполнил обещание, данное Добжинскому и, с ведома Ленина, группа бывших идейных польских сотрудников из Москвы была отпущена за границу⁸. В сентябре—октябре 1920 года Добжинский, учитывая опасность партизанских отрядов ПОВ в тылу отступавшей Красной Армии, стал во главе пов-

станцев и с необычным искусством удерживал их от активных действий, он предотвратил подготовленный взрыв железнодорожного моста на перегоне Минск—Борисов, чем содействовал эвакуации штаба Западного фронта во главе с Тухачевским.

Вскоре Добжинский-Сосновский, одолеваемый идеей создания прокоммунистической ПОВ, которую ему предложил Дзержинский, стал разъезжать по лагерям польских военнопленных и подбирать сторонников. Идею поддержала компартия. Нужны были люди, известные в Польше, и такие нашлись — капитан Виктор Мрачевский (Витковский), Виктор Стецкевич, красавица Юнона Синрер-Пшепилинская, командир роты легионеров, женщина необыкновенной храбрости, награжденная двумя орденами, ставшая вскоре женой Сосновского. И среди них самый, по-видимому, молодой польский разведчик Вацлав Табартровский (Гурский), награжденный орденом лично маршалом Пилсудским в 13 лет за многочисленные переходы линии фронта и сбор разведывательной информации, представленный в офицеры и к высшему ордену Виртути Милитари. В команду Сосновского вошли в другие люди⁹.

В октябре 1920 года они "от имени членов ПОВ в Советской России" обратились с "Открытыми письмами", в которых выступили против политики правительства Пилсудского и призывали бывших своих сослуживцев переходить на сторону советской власти¹⁰. Эти письма советская авиация разбрасывала по всему фронту. 2-й отдел решил отомстить перебежчику Добжинскому и направил две террористические группы для его ликвидации. Одна из групп почти добралась до цели, но была захвачена ВЧК.

По далеко не полным данным, по делам польского шпионажа и ПОВ привлекались к ответственности 1385 человек. К расстрелу приговорили 171 человека, к заключению в концлагерь на разные сроки — 127, к заключению в концлагерь до обмена с Польшей — 123, к высылке в Вятскую и Пермскую губернии, на Урал и в другие регионы — 89 человек; наложены штрафы в сумме ста рублей золотом на 11 человек, умерли в процессе следствия 9 человек; оправданы, освобождены за недоказанностью, под поручительство, под подписку, для зачисления в Красную Армию и т. д. 852 человека¹¹.

Добжинский-Сосновский 15 мая 1921 года был награжден орденом Красного Знамени, зачислен в кадры ВЧК, по пред-

ставлению Дзержинского его приняли в компартию, рекомендации ему дали Феликс Кон и Юлиан Мархлевский. Вскоре в только что созданном Контразведывательном отделе ГПУ он возглавил 6-е, "белогвардейское" отделение. Сосновский принимал активное участие в операции "Синдикат-2" по захвату Бориса Савинкова и в других чекистских операциях, дослужился до комиссара госбезопасности 3-го ранга, был заместителем начальника Особого отдела ОГПУ; последняя его должность — заместитель начальника управления НКВД СССР по Саратовской области¹².

Кадровыми чекистами стали названные члены ПОВ. Вацлав Гурский стал капитаном госбезопасности. Недзвильовская работала в ИНО ОГПУ, была лучшим его фотографом, объездила полмира. Стецкевич под фамилией Кияковский находился на руководящей работе в КРО ОГПУ, начинал известную операцию "Трест", ездил в первую командировку за границу от этой организации. В 1932 году он погиб в Монголии во время религиозного восстания¹³. Судьба у всех трагическая, как и у тысяч их земляков, прошедших по сфальсифицированным делам по обвинению в польском шпионаже и участии в Польской организации войсковой.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-4489. Т. 3. Л. 76; Д. Р-8470. Т. 3. Л. 45–46.

² Отчет Цупчрезкома при Совнаркоме Украины за 1920 г. Харьков, 1921. С. 17.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1790. Т. 5. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 2, 19; Д. Р-4489. Т. 3. Л. 75.

⁵ Там же. Д. Н-1790. Т. 18. Л. 22–25.

⁶ Там же. Д. Р-4489. Т. 3. Л. 75–77.

⁷ Там же. Д. Р-22258. Л. 1–19.

⁸ Там же. Д. Р-4489. Т. 3. Л. 76.

⁹ Там же. Д. Р-8470. Т. 2. Л. 62–63.

¹⁰ Там же. Т. 3. Л. 20, 41–57.

¹¹ Там же. Д. Н-1790. Т. 1. Л. 1–398.

¹² Там же. Т. 3. Л. 66–70.

¹³ Там же. Л. 127–128.

Б. Г. СТРУКОВ,

кандидат исторических наук, доцент.

Академия ФСБ РФ

В НАЧАЛЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Время взвешенных суждений в оценке роли и значения российской политической эмиграции, её противоборства с советским политическим режимом ещё впереди. Как отметил известный специалист по истории Гражданской войны Ю. А. Поляков: "...ненависть, непримиримость пронизывали с обеих сторон всё, что писалось, декларировалось, пелось о гражданской войне". Это замечание, на наш взгляд, справедливо и в отношении описания истории противостояния советского режима и российской эмиграции первой волны. Зарубежные издания, широко использующие документы белого движения и мемуары его участников, не лишены романтического флера в описании деяний эмиграции, полны не всегда справедливых, а иногда и просто односторонних, оценок в адрес своих идейных противников. Такой же стереотип, только с противоположным знаком, был характерен и для многих исследований советских авторов по проблемам российского зарубежья. При всём уважении к серьёзным научным исследованиям советских историков 1960–1980-х годов нельзя не заметить стремления увидеть и рассмотреть преимущественно лишь агонию и крушение идеалов эмиграции, подчеркнуть несостоятельность её идейных и политических устремлений.

В настоящее время в связи с доступностью многих ранее закрытых архивных фондов, публикацией ранее неизвестных широкому кругу общественности документальных материалов, широким изданием мемуаров деятелей русского зарубежья, отсутствием политической цензуры имеются предпосылки для воссоздания исторической правды, восполнения "белых пятен" российской истории, ликвидации перекосов в общественном историческом сознании. Справедливости ради следует заметить,

что в некоторых современных публикациях проявляется стремление перейти от безудержной критики эмиграции к безудержному её восхвалению. Кульбит, в результате которого из “кучки отщепенцев”, “врагов собственного народа” все эмигранты “чужом” превращаются в “узников совести”, “истинных патриотов”, “борцов против тираний” становится подчас таким же мифом сегодня, как и огульное охаивание этих людей в недалёком прошлом.

...Начало 1920-х годов было важной вехой в жизни российского зарубежья. Происходит процесс организационного становления и политического самоопределения эмигрантских организаций, рождаются широкие коалиционные объединения. Прежде всего это относится к так называемому Высшему Монархическому Совету, объединившему в своих рядах россиян-монархистов всех оттенков — от сторонников абсолютного самодержавия до монархистов-конституционалистов. Организация создавалась в ходе Рейхен-галльского съезда (Бавария) в 1921 году по инициативе Н. Маркова и имела своих представителей во многих странах мира. Как своеобразный противовес монархистам поэтапно в 1921 — 1924 годах создаётся Республиканско-Демократическое объединение (РДО) российских эмигрантов, объединившее в своих рядах широкий политический спектр российских либерал-демократов от кадетов до правых эсеров и эне-сов. Организацию возглавил видный деятель кадетской партии П. Н. Милюков. И то и другое объединение претендовало на роль флага политической жизни российского зарубежья, стремились распространить своё влияние на военные формирования эмиграции, молодёжь, разрабатывая и пытаясь реализовать планы создания подпольного движения в Советской России.

Процесс политического самоопределения российской эмиграции был обусловлен целым рядом факторов. В условиях Гражданской войны, когда решение всех политических проблем виделось исключительно путём вооружённой борьбы, ставка всех противников большевистской власти делалась на весь офицерско-генеральский корпус бывшей царской армии. Пока белые имели шансы на победу, политические партии и движения, оппозиционные советам, солидаризировались со всем движением, поддерживая его морально и материально, и не выступали внутри него как обособленная политическая сила. Но с конца 1920 года обстановка меняется. Попытки свергнуть советскую

власть вооружённым путём провалились, что заставило искать новые пути и средства борьбы. Одновременно “исход” белогвардейцев привёл к резкому численному увеличению эмигрантов, что активизировало создание и объединение их политических организаций.

Важным фактором, стимулирующим политическую активность эмиграции, стали изменения во внутренней политике советской власти. Особые надежды и ожидания у российской эмиграции вызвал переход к нэпу. Выступая на митинге в декабре 1927 года в Праге, один из лидеров РДО и “Крестьянской России” С. С. Маслов говорил: “С 1921 года, когда был введён нэп, коммунизм начал умирать, ибо коммунистическая партия, отказавшись от примитивного принудительного хозяйства порабощения, тем самым отказалась и от проведения в жизнь своей коммунистической идеологии и программы. ...Понижение народного дохода... неизбежный провал лозунга индустриализации и растущее накопление частного торгового капитала в частном торговом обороте — вот те мины и те узлы, которые советской власти не разрубить”¹.

За активизацией деятельности эмиграции внимательно следили в Советской России. Выступая на III съезде Коминтерна в июле 1921 года, В. И. Ленин говорил: “Теперь, после того, как мы отразили нападения международной контрреволюции, обрелась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий... Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты... имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т. е. получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий... Эти люди делают все возможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить её. Было бы весьма поучительно... систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции... Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы и хорошие стратеги...”². Политическая установка руководства страны была с полным пониманием воспринята советскими спецслужбами и переведена на лаконичный язык приказов и директив. В циркулярном письме

ГПУ от 20 марта 1922 года, утверждённом заместителем председателя ГПУ И. С. Уншлихтом и подписанном начальником секретно-оперативного управления В. Р. Менжинским, местным органам предписывалось усилить работу по контрреволюционным организациям внутри и вне России и предлагалось отнестись к этой работе "с наибольшей серьёзностью, считая её в настоящее время ударной"³.

Велика ли была опасность для советского режима со стороны эмиграции? Правы ли некоторые заокеанские авторы, считающие, что "после поражения в Гражданской войне белогвардейцы не представляли значительной угрозы для большевистской власти, но в глазах Ленина эта угроза приобрела колоссальные размеры"?⁴. На наш взгляд, русское зарубежье после окончания Гражданской войны таило в себе реальную и очень серьёзную угрозу для советского политического строя. Угроза была многофакторной и складывалась из нескольких составляющих.

Российская эмиграция была представительницей "другой", альтернативной России. Это был социум россиян, объединённый во многом иными политическими идеалами, духовными ценностями, культурными традициями, нежели идейно-нравственные устои, укоренившиеся в ходе революции и Гражданской войны в Советской России. Как известно, В. И. Ленин говорил о полутора — двух миллионах соотечественников, "которые рассеялись по всем заграничным странам"⁵. Близкие цифры докладывались как разведорганами Красной Армии⁶, так и органами ВЧК — ОГПУ.

По данным ОГПУ, в середине 1920-х годов распределение белоэмигрантов по странам выглядело следующим образом (в тысячах человек): Франция — 500 (в Париже — 160), Германия — 30—35, Сербия — 25—30, Болгария — 15, Польша — 25—30, Южная Америка — 15, Турция — 2,5—3, Румыния — 10, Греция — 10, Австрия — 1, Венгрия — 5, Австралия — 2, Чехословакия — 10, Данциг — 2—3, Бельгия — 10, английские колонии — 50, Прибалтийские страны — 50, Сирия, Палестина — 5, Финляндия — 5, Персия — 5, Италия — 5, Китай — 50, Канада — 50, Швеция, Норвегия — ?, США — 30, Филиппины и другие острова — 50⁷. Общее количество эмигрантов исчисляется, таким образом, примерно в один миллион человек. Цифра эта представляется весьма относительной из-за непрекращавшейся миграции россиян по странам Европы, Азии и Америки, процесса

реэмиграции, а также в связи с тем, что миллионы бывших сограждан в результате революции, Первой мировой и Гражданской войн оказались гражданами сопредельных иностранных государств. Только в Польше по переписи 1920-х годов 5 миллионов 250 тысяч человек отнесли себя к русским (включая сюда малороссов и белорусов)⁸. С достаточной степенью уверенности можно говорить о том, что волею судеб несколько миллионов россиян оказалось за пределами Родины и что российская диаспора в мире в 1920—1930-е годы являлась одной из самых многочисленных.

Существование многочисленной и всё более организующейся эмиграции представляло немалую опасность для Республики Советов, так как будоражило мировое общественное мнение, рождало надежды и иллюзии у зарубежных недругов большевиков, являлось питательной средой для внутренней оппозиции в СССР. Это понимали и сами эмигранты. В 1924 году, выступая на митинге в Праге, один из лидеров группы РДО Б. Н. Евреинов заявлял: "В настоящее время весь центр тяжести контрреволюционной борьбы с советской властью сводится к дискредитированию её перед иностранными державами и к раздуванию всяких сенсационных слухов о коммунистах и о СССР... Желательно эти слухи направлять в Россию в виде печатных сообщений, дабы, читая их, население верило, что это и есть настоящая, скрываемая от них истина"⁹.

Следует учитывать, что в эмиграции оказались люди, многие из которых принадлежали к элите российской интеллигенции, чиновничества, офицерства, предпринимательства. Неприемлющие советский режим, обладающие авторитетом, прочными деловыми связями, вхожие в "высший свет" Запада, они имели возможность существенно влиять на мировое общественное мнение и мировую политику в отношении нашей страны. Особенно опасной деятельностью российских эмигрантов в этом направлении являлась в условиях дипломатической и экономической блокады СССР.

Другим фактором, таившим серьёзную угрозу для советской власти, было наличие в рядах российской политической эмиграции военных формирований, готовых выступить с оружием в руках против большевистского политического режима. По свидетельству генерала П. Н. Врангеля, только с ним в 1920 году из Крыма "в изгнание ушло 150000 человек на 125 судах"¹⁰. Около

половины из них были военнослужащие. Разумеется, не все встали под знамена "Союза галлиполийцев", а затем Российского Общевоинского союза (РОВС). IV Управление штаба РККА информировало в 1927 году председателя Реввоенсовета К. Е. Ворошилова, начальника штаба М. Н. Тухачевского, наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, а также руководителей ОГПУ о том, что, по данным разведки, численность военно-организованных белогвардейцев составляла (в тысячах человек): Франция, Бельгия — 20, Югославия — 6, Болгария — 14, Польша — 2, Румыния — 1, Китай — 8. "Всего военные белогвардейские организации насчитывают около 60 тысяч человек. Примерно половина этого количества состоит из офицеров, составляющих основную массу "Союза галлиполийцев", остальная часть — из казаков, объединённых в различные союзы"¹¹.

В случае выступления белогвардейцы рассчитывали на помощь иностранных государств, а также на приток под их знамена недовольных политикой советской власти. В частности, вынашивая планы вторжения на территорию Дальнего Востока и Сибири, белогвардейцы считали, что "имеющегося в их распоряжении оружия на Дальнем Востоке хватит на 75000 человек"¹². Разумеется, оценивая военный потенциал эмиграции, следует отметить его недостаточность для ведения широкомасштабной военной кампании против СССР. Однако вооружённые выступления белогвардейцев при определенных условиях могли бы стать детонатором новой гражданской войны.

Опасными для политического режима большевиков были попытки эмиграции организовать подпольную работу на территории советской страны. Показательны решения съезда монархистов в Рейхен-галле, который проходил в мае — июне 1921 года. Признавая, что "главная работа сейчас должна быть перенесена в Россию, где должны быть раскинута боевые организации и введена усиленная работа в Красной Армии", съезд конкретизировал эту общую установку в следующих задачах: "1) Необходима работа в широких крестьянских массах, Красной Армии, посылка людей для этих целей и занятия руководящих должностей. 2) Создание объединённого руководящего центра, установление общей программы, тактики и изыскания средств на осуществление всего указанного. 3) Создание вооружённой силы вне России. С этой целью необходимо перевести армию Врангеля в Сербию"¹³.

Свои решения по развертыванию работы на территории Советской России эмиграция активно претворяла в жизнь. Одно из типичных агентурных донесений того времени: "22-ого сего года (1922. — Б. Г.) июля отделом контрразведки Высшего Монархического Совета в Берлине командирована партия человек в десять в Россию. Во главе этой партии полковник Черепанов... Все эти офицеры направляются в район Петербурга. Маршрут следования: через Польшу и Белоруссию на Минск и дальше на Петроград. В Польше они должны получить литературу агитационного характера и, между прочим, воззвание монархического характера... Организация должна войти в связь с монархическим союзом в России. Главной задачей является агитация среди крестьян петроградского района о возврате российского престола и о помощи со стороны Англии"¹⁴.

Антисоветская деятельность эмигрантских центров и организаций тесно переплеталась с происками спецслужб капиталистических государств против СССР. Сообщения агентуры ОГПУ буквально пестрят материалами о связях тех или иных эмигрантских организаций со спецслужбами Франции, Германии, Польши, Румынии, Англии и других стран¹⁵. Как правило, в обмен на информацию, полученную из источников в СССР, они требовали субсидий. Имела место и личная инициатива некоторых эмигрантов, становившихся платными агентами спецслужб. Следует отметить, что отношение к сотрудничеству такого рода в среде эмиграции было далеко неоднозначным.

Вполне закономерным поэтому являлось пристальное внимание к эмиграции со стороны советских органов государственной безопасности, проводивших информационно-аналитическую работу в отношении их состава, численности, политических устремлений, стратегии и тактики деятельности. ВЧК — ОГПУ располагало практически всеми программными документами, имело возможность через свою агентуру отслеживать изменение настроений среди эмиграции, замыслы и практическую деятельность её признанных лидеров. Информационные обзоры и аналитические справки, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ РФ, составлены, как правило, со знанием дела и свидетельствуют, что высшее руководство страны было в курсе основных процессов, происходивших в эмиграционной среде.

Советские спецслужбы, не ограничиваясь сбором информации, пытались активно влиять на негативные процессы в российской эмигрантской среде. Уже в начале 1920-х годов были

предприняты усилия по разжиганию разногласий в стане монархистов за рубежом, стимулированию реэмиграции врангелевцев на Балканах¹⁶. Большое значение придавалось созданию прочных агентурных позиций, позволивших впоследствии провести широкомасштабные оперативные игры ("Трест", "С-2", "С-4" и другие).

Органами госбезопасности, прежде всего Секретно-Оперативным управлением, проводились широкомасштабные мероприятия с целью взятия под контроль и пресечения связей российского зарубежья с возможной оппозицией режиму внутри страны. Уже в начале 1920-х годов на спецучете в местных органах контрразведки состояли лица, которые гипотетически могли бы иметь связи с границей и принимать участие в антисоветской деятельности. Руководство требовало от сотрудников "максимум усилий обратить на организацию секретного осведомления среди их и окружающих", для чего создавалась широкая сеть осведомителей и секретных сотрудников, использовался контроль за корреспонденцией и телефонными переговорами, а также наружное наблюдение¹⁷. По данным ГПУ, только за ноябрь 1921 года было обнаружено пятнадцать белогвардейских организаций. Противостояние набирало темпы.

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦСЛУЖБ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Мерзляков В. М.</i> Об организации контрразведывательных органов России	3
<i>Плеханов А. М.</i> Разведывательная служба Отдельного корпуса пограничной стражи	15
<i>Лебедев В. А.</i> О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века	22
<i>Лазарев В. И.</i> Из истории становления специальных средств отечественных спецслужб	35
<i>Измозик В. С.</i> Из истории "черных кабинетов" в России	42
<i>Щербакова Е. И.</i> Разночинная интеллигенция 60-х годов XIX века как потенциальный противник органов политического сыска	48
<i>Перегудова З. И.</i> Департамент полиции и секретная агентура (1902–1917 годы)	55
<i>Степанов С. А.</i> Проблема двойных агентов в системе политического розыска начала XX века	61

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

<i>Леонов С. В.</i> Создание ВЧК: новый взгляд	69
<i>Мозохин О. Б.</i> Внесудебные полномочия ВЧК	75
<i>Зданович А. А.</i> Создание особого отдела Южного фронта	84
<i>Петров М. Н.</i> Документы местных архивов как источник изучения органов ВЧК	92
<i>Цветков В. Ж.</i> Разведка и контрразведка белогвардейских правительств. 1918–1922 годы	101
<i>Сафонов В. Н.</i> Неизвестная тайная война, или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши	109
<i>Струков Б. Г.</i> В начале противостояния: российская политическая эмиграция и советские спецслужбы после окончания Гражданской войны	115

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 376. Л. 542–544.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 39–40.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1-т. Д. 39. Л. 16.

⁴ Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Nota Bene, 1992. С. 113.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 39.

⁶ Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов // Отечественная история. 1993. № 5. С. 78.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 683. Л. 222.

⁸ Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 29.

⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 376. Л. 59.

¹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 415. Л. 57.

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Там же. Л. 70.

¹³ Там же. Ф. 66. Оп. 1-т. Д. 39. Л. 11.

¹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 434. Л. 145.

¹⁵ Там же. Оп. 6. Д. 376. Л. 232–233, 238; Д. 381. Л. 35.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 27; Д. 434. Л. 207.

¹⁷ Там же. Ф. 66. Оп. 1-т. Д. 39. Л. 16.

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
НА ЛУБЯНКЕ
1998 год**

**РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
КОНЕЦ XIX ВЕКА – 1922 ГОД**

Редактор *Л. Н. Яковлева*
Корректор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *Т. А. Казакевич, О. Н. Еремина*

Лицензия ЛР № 020815 от 21.09.98.
Подписано в печать 19.05.99. Формат 60*84/16. Уч.-изд. л. 7,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 180. Издательско-полиграфический
центр Новгородского государственного университета им. Ярос-
лава Мудрого. 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петер-
бургская, 41. Отпечатано в ИПЦ НовГУ. 173003, Великий Нов-
город, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.